ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

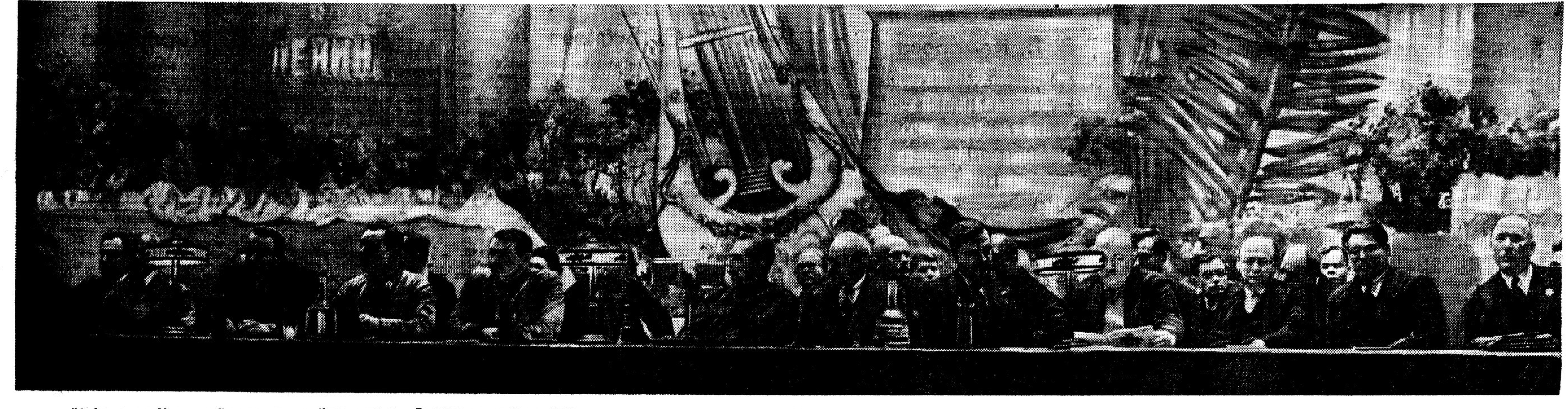
Цена 30 коп.

Литературная газета

Понедельник, 15 февраля 1937 г.

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 9 (645)

10 февраля в Москве в Государственном Академическом Большом театре Союза ССР состоялось торжественное заседание Всесоюзного пушкинского комитета, Московского областного пушкинского комитета и общественных организаций Москвы, посвященное 100-летию со дня смерти А. С. Пушкина. На снимке: президиум заседания. Впереди слева направо: товарищи Кирпотин, Лахути, Межлаук, Ворошилов, Жданов, Бубнов, Комаров, Филатов, Акулов, Булганин, Кульков, Керженцев, Киселев и Демьян Бедный.

Фото Ф. Кислова (Союзфото).

Вечно живой

10 февраля исполнилось сто лет со дня смерти гениального поэта, создателя русского литературного языка, родоначальника новой русской литературы, Александра Сергеевича Пушкина.

Юбилейные дни превратились во всенародный праздник социалистической культуры. По всему Советскому Союзу уже задолго до юбилея велась огромная работа по изучению творчества Пушкина.

Беседы и читки в заводских клубах, на производстве, в колхозах, школах, частях Красной армии, пушкинские вечера и концерты, конференции, посвященные великому поэту, пушкинские спектакли, многочисленные доклады, посвященные жизни и творчеству Пушкина, все это предшествовало великой годовщине. Повсюду были организованы пушкинские выставки.

Огромный размах приобрело освещение значения и творчества гения русской поэзии в нашей периодической печати, опубликовавшей множество статей о Пушкине. Его произведения были выпущены в миллионных тиражах. С 1918 по 1936 г. вышло 335 изданий Пушкина общим тиражом в 18,6 миллиона экземпляров.

Вышли в свет новые издания и специальные книги, посвященные Пушкину, в том числе его популярная биография. К столетней годовщине была восстановлена последняя квартира Пушкина, превращенная в музей, поставлены мемориальные доски в местах, где он жил и творил, сооружен обелиск на месте роковой дуэли на Черной речке. Пушкин, переведенный на 52 языка братских народов СССР, прочно вошел в их культурный фонд и обиход.

10 февраля миллионы трудящихся слушали по радио из Большого театра торжественное заседание, посвященное Пушкину, на котором присутствовали руководители партии и правительства во главе с товарищем Сталиным. В эти дни с огромной силой проявилась горячая любовь освобожденных миллионов к великому народному поэту, соратнику декабристов, вольнолюбцу, жадно любившему жизнь, и затравленному венценосным жандармом Николаем и его приспешниками-крепостниками.

На протяжении десятков лет между Пушкиным и народными массами правящие классы царской России воздвигали искусственную стену, с одной стороны, всячески искажая подлинный облик Пушкина, скрывая от масс его вольнолюбивые стихи, изображая его как жреца чистого искусства, с другой стороны, стремясь держать порабощенные массы в невежестве и безграмотности.

Великая социалистическая революция сломала эту стену, разоблачила клеветнические легенды о Пушкине, восстановила его подлинный облик, и, создав для трудящихся масс неисчерпаемые возможности культурного развития, открыла им путь к Пушкину. И тогда-то оказалось, что Пушкин — народный поэт, что тот «нерукотворный памятник», который он себе воздвиг, это — любовь народных масс к его великой поэзии. Социалистическая революция превратила народную тропу к Пушкину в широкую дорогу миллионов.

Дата столетней годовщины миновала. Но работа по изучению творчества Пушкина далеко еще не достигла своей высшей точки и не должна снижаться. Сегодня еще продолжается начавшаяся 13 февраля сессия Академии наук, посвященная Пушкину. 20 февраля открывается пушкинский пленум Союза советских писателей.

К самой годовщине наши киноорганизации выпустили на экран посвященные Пушкину картины «Юность поэта» и «Путешествие в Арзрум», и миллионам трудящихся еще предстоит эти картины посмотреть.

Театры Москвы, Ленинграда и столиц братских республик еще не ознакомили всю массу советских зрителей с подготовленными ими пушкинскими постановками.

16 февраля открывается Всесоюзная пушкинская выставка, собравшая в своих семнадцати залах изумительное богатство замечательных и редчайших экспонатов, и миллионы экскурсантов еще войдут в эти залы, чтобы вновь и вновь оглядеть великое наследство Пушкина, проследить путь его жизни и творчества в мрачной тюрьме народов, какой была николаевская Россия, воочию увидеть тот размах, какой приобрело изучение Пушкина теперь, в наши дни, в счастливую сталинскую эпоху.

Интерес к Пушкину растет и развивается, и проделанная доныне работа еще далеко не удовлетворила его и не насытила. Работу эту надо продолжать.

Пушкинские дни показали, что мертвящий вульгарный социологизм, продукт творчества псевдоученых схоластов, не смог заслонить от народных масс творчество великих классиков русской литературы, не смог выхолостить гениальное содержание их произведений.

Он опрокинут и разоблачен, хотя уже успел принести немалый вред, в особенности в нашей школе. Необходимо добить этот вульгарный социологизм до конца.

Освоение великого наследства родоначальника новой русской литературы надо продолжить и закрепить. Надо покончить со всякими остатками вульгарной социологии и в изучении великих классиков русской литературы — продолжателей Пушкина.

Столетие со дня смерти Пушкина сыграло огромную роль в выяснении путей развития и преемственности между вершинами прошлой культуры и культурой социалистической эпохи. Как никогда ясно обрисовалась линия, ведущая от Пушкина, продолжателями которого оказались не его эпигоны, не подражатели, не дворянские эстеты вроде А. Майкова, Фета, а писатели, усвоившие суть пушкинского реализма, дух его творчества.

Подлинным преемником Пушкина в поэзии явился Некрасов, преемником Пушкина и Некрасова в советской поэзии явился Маяковский.

Советская поэзия должна сделать для себя эти выводы.

Реализм, простота, народность, которая в наши дни неотделима от социализма, народное творчество, как основа поэзии, глубокое идейное содержание, вся полнота чувств и мыслей социалистического человека, горячая ненависть к миру эксплоатации, к фашистскому варварству, пламенная любовь к народным массам, великая преданность делу социализма в соединении с сознанием огромной ответственности за каждое свое слово, скромность и высокая требовательность к себе и, наконец, теснейшая связь с массами, с творческой жизнью советского народа, руководимого великой партией Ленина—Сталина, — вот тот путь, на котором только и можно создать животворную и могучую социалистическую поэзию.

Столетний юбилей великого поэта, бессмертного Пушкина, явится могучим толчком для дальнейшего развития социалистической культуры, для еще более пышного ее расцвета, для приобщения народов Советского Союза к великому наследству классиков могучей русской литературы, для нового движения вперед советской поэзии и всей советской литературы.

В этом смысл и значение этой великой годовщины. Пушкин и после смерти своим творчеством продолжает служить народным массам, входит в золотой фонд культуры социализма, как органический ее элемент.

Накануне пушкинского пленума правления ССП

Торжественное открытие пленума состоится 20 февраля в Колонном зале Дома союзов.

На пленум прибывают все члены правления союза, 15 национальных поэтов и прозаиков-орденоносцев, переводчики произведений Пушкина на языки народов Союза ССР и др.

В день открытия пленума коллективы Государственного академического Большого театра и национальных опер выступят в большом концерте, программа которого будет составлена из пушкинских произведений.

Пленум проведет несколько пушкинских вечеров на крупнейших предприятиях столицы.

16-го из Москвы выезжает в Пушкинские Горы делегация союза советских писателей.

Пушкинские торжества

В Москве

Тов. А. Бубнов цитировал на торжественном заседании в Большом театре выдержку из одного письма, автором которого является рядовой советский гражданин:

«Его (Пушкина) гибель я всегда переживал как личную обиду, как личное дело».

В этих простых и сердечных словах выражено чувство миллионов людей, с нежностью и благодарностью поминающих в эти дни имя величайшего гения русской литературы. Для них Пушкин не реликвия, не музейная святыня, не отошедший день: народ интимно ощущает его близость, драматизм его судьбы волнует и мучит так, словно не столетие залегло между датой смерти поэта и нашим временем, а голос Пушкина обрел новую силу, строки его бессмертных стихов наполнились новой жизнью и вливают бодрость, радость, счастье в души поколения, о котором он мечтал.

Пушкин впервые встретился со своим народом лицом к лицу. Для этого понадобилось разрушение феодально-капиталистического строя России, уничтожение всех тех сил, которые были заинтересованы, с одной стороны, в фальсификации образа самого непокорного из гениев, а с другой — в отстранении народа от всего, что может питать его мысль, стимулировать его культурный рост. Сбросив всех этих рабовладельцев и их духовных лакеев в «помойку истории», народ снял с Пушкина грим, наложенный на него в течение века. Глубоко символическое значение приобретает в этом смысле восстановление на памятнике Пушкина в Москве подлинных слов поэта, вместо тех искаженных строк, которые «предусмотрительно» были выбиты на памятнике царским правительством. Десятки тысяч трудящихся явились на это торжество. Они покрыли всю огромную площадь, высоко поднимая многочисленные портреты Пушкина, как знамя победы, как знамя борьбы за культуру, прогресс, за торжество разума, гармонических отношений в человеческом обществе. Гремели в морозном воздухе звуки «Интернационала», когда чехол упал с пьедестала памятника и во всей своей пророческой силе и мудрости обозначились знаменитые строки поэта, на этот раз в том виде, в каком они вылились из-под его пера:

И долго буду тем любезен
я народу,
Что чувства добрые я лирой
пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил
я Свободу
И милость к падшим призывал.

И сознанием величия нашей эпохи, вернувшей поэта народу, глубокой любовью к Пушкину-человеку и к его неумирающим творениям пронизаны были речи людей, представлявших различные поколения и группы нашего общества: председателя Мособлисполкома т. Филатова, писателя Вс. Иванова, стахановца-рабочего Бутусова (завод им. Фрунзе), школьника Дубровского.

Творчество Пушкина стало величайшим орудием воспитания в обществе, сбросившем гнет капитализма, не знающем эксплоатации. Его произведения уже изданы на 52 языках народов СССР, ему посвящают пламенные песни лучшие поэты этих народов, у него все они учатся искусству простоты, соединенной с глубиной, мудростью, любовью к жизни в ее разнообразнейших проявлениях, он для всех является идеальным образцом народного поэта.

Можно ли без волнения читать стихи орденоносца Самед Вургуна, обращенные к Пушкину:

Это — сталинский век!
Небывалый расцвет!
Он пришел — золотой
справедливости час.
Просыпайся, затравленный,
мертвый поэт!
Ты не умер, ты ныне родился
для нас!

Можно ли было на торжественном заседании в Большом театре, где собрались лучшие люди красной столицы, слушать без волнения гениальные строки пушкинского «Памятника», исполненные на языках многих советских народов — калмыцком, адыгейском, казахском, киргизском, украинском, каракалпакском и др.?

Нельзя было равнодушно слушать и взволнованные речи украинского писателя Микитенко, грузинского поэта Тициана Табидзе, когда они говорили о все возрастающей любви народов СССР к великому светочу всемирной поэзии — Пушкину, когда они приводили поразительнейшие цифры изданий поэта на их языках.

В унисон с этими выступлениями звучали речи тт. И. Луппола, Д. Бедного и А. Безыменского, звучат сообщения, и поныне поступающие со всех концов необ'ятного Союза. Всюду Пушкин — свой, близкий, родной, вдохновляющий на новые подвиги, всюду звучит его слово — юное, животворящее, солнечное, как наша действительность.

«Такого настоящего праздника, как сегодня, не видел Пушкин».

В этих словах Н. Тихонова в речи на заседании в Большом театре — неопровержимая правда. Такого праздника Пушкин не видел. Для этого должна была восторжествовать на родине поэта вольность, к которой он влекся всеми порывами своего мятежного духа.

ДЕЛЬМАН

В Ленинграде

На мраморе мемориальной доски высечено: «В этом доме 29 января 1837 года скончался Александр Сергеевич Пушкин». В памятный день 10 февраля 1937 года, через сто лет после смерти великого поэта, мы входим в последнюю квартиру Пушкина.

Вот в этой передней толпились друзья. Со слезами на глазах читали трагические слова на клочке почтовой бумаги. «Больной находится в весьма опасном положении». За дверью, в своем кабинете, умирал Пушкин...

Тот же письменный стол стоит у окон. На столе — письмо, написанное в день дуэли, третий том «Современника» и раскрытая книга. «The Poetical works of Milman, Bowler, Wilson and Barry Corwall» — читаем мы титульный лист последней книги, прочтенной Пушкиным. Кресло, в котором сидел Пушкин. У стены — старинный ларец, — здесь поэт хранил рукописи. На камине — колокольчик, печать, графин из красного стекла. И книги! Тысячи книг, принадлежавших Пушкину.

Книжные полки образуют нишу. В нише стоит диван. На таком же красном диване сто лет назад умер Пушкин. К этим книгам были обращены последние слова умирающего поэта: «Прощайте, друзья!»...

Рабочие и писатели, командиры Красной армии и ученые, мореплаватели и художники пришли сегодня в последнюю квартиру Пушкина. Пушкин умер в 2 часа 45 мин. В торжественной тишине — ровно в 2 часа 45 мин. — открывается траурное собрание. Выступают Н. Свирин, Д. Якубович, К. Федин.

...Сто лет прошло с того мгновенья, — сказал проф. Д. Якубович, — когда в такой же оснеженный день, в этой самой небольшой писательской комнате, отстрадал, кончил жизнь Пушкин — наша радость, наша слава, наша гордость!

Осенью 1836 г. Пушкин поселился в этих стенах, «располагая жить». У этих самых окон находил он заключительные краски для «Капитанской дочки», работал над «Историей Петра», над созданием «Современника»... Здесь у него за спиной, из детской, раздавался смех его детей, и Наталья Николаевна доставала с полок эти самые книги. Вот они, все его последние друзья — многотомный Вольтер с закладками, корифеи мировой литературы, истории, географии, филологии... Мы видим цифры, проставленные его рукой на корешках, карандашные отчеркивания на многих страницах, умные и острые надписи, шутливые афоризмы, запись стихов, рисунки, возражения историку... И здесь в этой комнате метался Пушкин, разрывая в клочья бешеные письма свои к Геккерену, сплетавшему роковую паутину вокруг благородной жизни поэта... И через столетие слышим мы страшную тишину, наступившую после выстрела Дантеса, и лихорадочное биение пульса умирающего Пушкина...

Царское правительство устроило в квартире Пушкина охранку, а книги поэта свалило в подвалы казарм и раскидало по глухим усадьбам. Но, как записал Пушкин накануне дуэли, «истина сильнее царя». Наша социалистическая страна, вернув подлинного Пушкина, вернула разрозненные и растерянные книги в ту комнату, где жил, творил и умер великий поэт. И сюда, к месту кончины поэта, обращаются в эти минуты мысли миллионов людей, начертавших на обломках самовластья, среди многих сияющих имен лучших людей прошлого драгоценное и бессмертное имя Пушкина.

Сегодня в последней квартире Пушкина мы открываем музей.

Через эту квартиру пройдут сотни тысяч новых друзей Пушкина — людей сталинской эпохи. В вестибюле их встретит приветствие любимого поэта. Оно горит золотыми буквами на мраморной доске: «Здравствуй, племя младое, незнакомое!». И пробыв в этих комнатах, где все связано с именем Пушкина, они еще ярче представят себе образ великого русского поэта — гордость и славу народа.

...Мы выходим на набережную Мойки. («Здесь стояли цепи жандармов и городовых, — напомнил на собрании К. Федин. — Они преграждали путь к гробу Пушкина...»). Мы идем по площади Урицкого мимо Зимнего дворца. По Республиканскому мосту переходим на прекрасную площадь, — с сегодняшнего дня эта площадь носит гордое имя Пушкина.

Здесь, на Пушкинской площади, закладывается памятник великому поэту. И на Пушкинскую площадь стекаются многолюдные делегации заводов и фабрик, красноармейских частей, вузов и школ. Они идут колоннами, как на праздничных демонстрациях, — со знаменами, плакатами, цветами. Вся площадь заполнена народом. Широкая лестница, поднимающаяся к колоннаде здания Фондовой биржи, становится грандиозным амфитеатром.

Народный митинг открывает секретарь Ленсовета т. Каспаров: «Над рекой, воспетой Пушкиным, в центре великого города Ленина, мы открываем памятник гениальному поэту...» «Этот памятник, — говорит Б. Лавренев, — будет стоять напротив Зимнего дворца; из этого царского дворца был направлен выстрел, сразивший Пушкина...».

Радио разносит по площади речи акад. И. Орбели, нар. арт. республики Б. Бабочкина, представителя Облпрофсовета т. Карпицкой.

— После гибели Пушкина, — заканчивает свою речь А. Прокофьев, — великий поэт Лермонтов взывал к мщению, он требовал возмездия за праведную кровь. Мы отомстили за Пушкина. Ты прав, поэт Революции — Эдуард Багрицкий, когда говоришь, что «мстил за Пушкина под Перекопом...».

...Под звуки «Интернационала» с трибуны сходят представители Ленсовета, писателей, художников, ученых, студенчества. В землю кладется пластинка из нержавеющей стали с выгравированной надписью: «Александр Сергеевич Пушкин. 1799 г.— 1837 г. Памятник заложен 10 февраля 1937 г.». Пластинку прикрывают мраморной плитой. Акад. И. Орбели, Б. Лавренев, засл. деят. искусств К. Петров-Водкин, Е. И. Кун (внучка сестры Пушкина — Ольги Сергеевны), студенты Федорова и Зайцев кладут и цементируют первые кирпичи фундамента памятника. Сверху устанавливается закладной камень, — на нем высечено 8 строк:

Здесь будет сооружен
памятник
великому русскому
поэту
Александру Сергеевичу
ПУШКИНУ
1799—1837
Заложен 10 февраля 1937 г.

У закладного камня становится почетный караул красноармейцев и краснофлотцев. Делегации возлагают венки и цветы.

...Здесь будет сооружен памятник Пушкину!

Б. РЕСТ

Ленинград.

ПУШКИНСКАЯ СЕССИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Утреннее заседание 14 февраля

Первые два доклада на утреннем заседании сессии 14 февраля — тт. М. Нечкиной и Н. Бродского — были посвящены вопросу о революционных взглядах Пушкина. Каждый докладчик ставил эту тему в ином разрезе: т. Нечкина остановилась, преимущественно, на проблемах взаимоотношений Пушкина с декабристами, а Бродский — на роли французских энциклопедистов в формировании мировоззрения Пушкина, а также на вопросе о влиянии западно-европейского революционного движения начала XIX века на поэта.

С напряженным вниманием слушала аудитория эти доклады, отличительной особенностью которых явилась тщательная документация, привлечение материалов, не всегда учитываемых исследователями и историками. А между тем, как правильно констатировал т. Бродский, ни одна пушкинская строка — в дневнике ли, в незаконченных ли заметках, в первоначальных ли вариантах стихотворений — не может остаться вне поля зрения наших современников: Пушкин был величайшим мастером эзоповской речи, и, имея правильный ключ в руках, мы можем, не впадая отнюдь в вульгарные преувеличения, расшифровать глубоко революционное содержание и там, где Пушкин предпочитал фигуру умолчания.

Одним из наиболее интересных выступлений на сессии явилось несомненно выступление т. Нечкиной. Она сумела в сжатой и убедительной форме показать, что Пушкин никогда, даже в годы внутреннего одиночества, даже в период, когда в его творчестве звучали нотки, свидетельствующие о душевном смятении, не изменял идеалам вольности, не шел на примирение с режимом самодержавия и кнута.

Особенно содержательна была заключительная часть доклада, где т. Нечкина говорила о последних годах Пушкина, когда великий поэт обнаружил явное тяготение к новому этапу развития революционной мысли, когда его воображение, как никогда, стала занимать проблема крестьянских восстаний, а его внимание стало привлекать учение Сен-Симона и Фурье.

— Революция, — заканчивает т. Нечкина свой яркий доклад, — не была только эпизодом в жизни Пушкина. Идея революции проходит огненною нитью через всю жизнь гениального поэта вплоть до его последних дней. С этим Пушкиным мы хотим войти в коммунистическое общество. Этому Пушкину, мечтавшему о свободе, как о «звезде пленительного счастья», мы, люди социалистической страны, радостно и любовно отвечаем:

— Товарищ, она взошла!

С докладом о рукописном наследстве Пушкина выступил на утреннем заседании сессии т. М. Цявловский.

Вечернее заседание 14 февраля

На вечернем заседании выступили с докладами А. С. Орлов — «Пушкин — создатель русского литературного языка»; проф. В. А. Десницкий — «Пушкин, как родоначальник новой русской литературы», проф. В. М. Жирмунский и проф. М. П. Алексеев — «Пушкин и мировая литература».

(Отчет об открытии пушкинской сессии Академии наук СССР и доклады см. на стр. 2—3—4).

Народы СССР чтут великого русского поэта

На финском и карельском языках

Государственное издательство «Кирья» в Карелии в 1936 году выпустило на финском языке отдельными книгами «Капитанскую дочку», «Дубровского» и «Пиковую даму» А. Пушкина.

Перед пушкинскими днями эти произведения вышли в новом издании в одной книге избранной прозы. В эту книгу вошли также «Повести Белкина». Всего к пушкинским дням было намечено издать четыре тома избранных произведений великого русского поэта: I. Поэмы и лирика, II. Сказки, III. «Евгений Онегин» и IV. «Избранная проза». Вышли пока «Избранная проза» и «Поэмы и лирика».

Том сказок в переводе поэта Тату Вятяйнен выйдет в этом году летом, а «Евгений Онегин» (перевод поручен пишущему настоящие строки) — в конце года. Заканчивается перевод «Бориса Годунова». Восемь картин из него в пушкинские дни будут ставиться финским театром в Ленинграде.

В книгу «Поэмы и лирика» Пушкина вошли поэмы: «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Братья-разбойники», «Граф Нулин» и «Медный всадник», а также около 60 лирических стихотворений.

Несмотря на сравнительно ограниченный срок, переводчики все же достигли неплохих результатов.

Переводы Пушкина имеются уже и на карельском языке. Тов. Хамсанфовым переведены на южнокарельский язык уже несколько сказок Пушкина; Ф. Ивачевым переведена «Сказка о царе Салтане» на среднекарельский язык. Книга сказок на карельском языке выйдет из печати в марте месяце.

Интерес к Пушкину среди карельских и финских читателей огромный. Великий русский национальный поэт должен стать доступным для читателей на их родном языке.

ЯЛМАРИ ВИРТАНЕН

Сессия Академии наук БССР

(От нашего минского корреспондента).

Пушкинские дни в Белоруссии проходят с большим под'емом и приняли характер большого праздника социалистической культуры.

Недавно состоялась специальная сессия Академии наук БССР, посвященная историческому юбилею, в которой, кроме ученых, приняли участие многие стахановцы предприятий и представители партийных, советских и общественных организаций. В члены президиума собрания была избрана правнучка великого поэта т. Клименко — учительница Бобруйского района.

С большим вниманием и интересом собравшиеся слушали доклады: акад. Замотина на тему «Жизнь и творчество А. С. Пушкина», акад. Вольфсона — «О мировоззрении Пушкина», проф. Лемчева — «Пушкин-родоначальник русского литературного языка» и проф. Бронштейна — «Пушкин и литература белорусского народа».

Президиум Академии постановил издать эти доклады отдельной книгой.

Народный поэт республики академик Якуб Колас читал отрывки из «Полтавы» в своем переводе на белорусский язык.

С. ДЕЛЬ

13, 14 февраля 1937 г.

ПУШКИНСКАЯ СЕССИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Да здравствует солнце, да скроется тьма!

Речь президента Академии Наук СССР В. Л. Комарова

«Горит восток зарею новой».

Мы чествуем память Александра Сергеевича Пушкина. Шекспир в Англии, Гете в Германии и Пушкин в России — единственные в своем роде, непревзойденные и несравненные Пушкин—«Евгений Онегин», «Борис Годунов», «Полтава», «Медный всадник», «Пугачев» — чудесная лирика, обилие поэтических образов, глубокая любовь к человеку, ненависть ко всему подлому и низкому, наконец, яркая народность его высказываний делают его дорогим и близким всем нам советским людям, делают его одним из краеугольных камней нашей культуры, открывают возможность строить ее шире и глубже.

А. С. Пушкин — Академия наук — сессия Какие невидимые нити соединяют их. Что Пушкин Академии и что Академия Пушкину? Вспомним, что 3 декабря 1832 г. президент Российской Академии Шишков вошел в Академию с предложением избрать в члены ее между прочими кандидатами также и Пушкина. 7 января 1833 г. подсчет поданных голосов показал, что Пушкин получил положительную оценку со стороны 28-ми из 29-ти голосовавших, и что единственный, кто за него не подал,—был митрополит Серафим (смех), который сообщил в письменной форме, что из всех предложенных к выборам в члены Академии лиц он подает голос только за протоиерея Малова (составителя «Краткого священного словаря»), остальные же кандидаты ему неизвестны **(смех).**

Вспомним также, что Пушкин посетил заседания Академии всего 8 раз, что бесконечные чтения и обсуждения корректур словаря русского языка возбуждали в нем более чувства злой иронии, чем удовлетворение от производимой на заседаниях работы. Дело дошло до того, что ему прочитали параграф устава, которым предписывается выводить из заседания лиц, ведущих себя непристойно. Единственным единомышленником Пушкина был Катенин, но ясно, что два сочлена не могли сломать прочно установившихся традиций, священных для большинства остальных.

30 января 1837 года Академия отметила сообщение о кончине Пушкина постановлением: «В уважение заслуг, оказанных покойным российской словесности, написать на счет Академии портрет его и поставить в заде собрания».

Последние 18 лет Академия много и непрерывно работала, изучая гениальное наследство Пушкина. Был основан специальный Пушкинский Дом, разросшийся позднее в Институт литературоведения. Были собраны коллекции, относящиеся к работе и жизни Пушкина, дающие возможность углубляться в тайны его творчества. Личная библиотека Пушкина, его рукописи, книги и рукописи о нем стали предметом углубленного исследования. Результаты этого исследования не только отражены в изданиях самой Академии, но и во всех новейших изданиях Пушкина.

Пушкин — создатель русского литературного языка. Он обдумывал каждое слово, в каждое слово он вкладывал определенный смысл, входя в тончайшие оттенки и звучания в смысле Он умел сочетать народные и простонародные, как говорили в его время, слова и выражения с церковно-славянскими. Он очень строг был к позаимствованиям с западно-европейских языков Из разнообразнейших языковых элементов выточил он ту величайшую драгоценность, тот русский язык, который прост, краток и выразителен, который позволяет кратчайшим путем передавать вполне понятно и доходчиво самые сложные события нашего времени, сложнейшие личные переживания. Благодаря Пушкину писать стало легко, легко стало выражать свои мысли.

Если на спокойную гладь озера бросить камень, то от него пойдут круги, все увеличивающиеся и увеличивающиеся. Пушкин своими стихами сначала растормошил и пробудил узкий круг лицейской молодежи, потом более широкий круг всей читающей России, затем уже в наши дни влияет на советскую общественность, и 65 языков приучаются считать его своим, дорогим и любимым. Затем растет и растет влияние Пушкина на мировую литературу.

Пушкин — бродильное начало, Пушкин — революционер.

Вращаясь в среде, большинство сочленов которой обязаны были смотреть на царей с обожанием, Пушкин дал этим царям такие характеристики, которые сразу выявляли всю неприглядную преступную деятельность, тормозившую историческое развитие народов, населявших Россию.

Поклонникам Екатерины II он говорит, что она была исполнена лицемерия, либеральная на словах, делала все, что только было ей доступно, чтобы закабалить и разорить народ; не мешала грабить народное достояние своим любимцам; на словах стояла за просвещение, но посадила Новикова, Радищева и др. и разорила даже духовные школы. В словах: «старушка дряхлая жила» все презрение Пушкина к мнимому величию Екатерины.

С Александром I, победителем Наполеона, Пушкин вел настоящую войну, начиная с характеристики его в стихотворении «Сказки»:

«Ура, в Россию скачет кочующий
деспот...
Спаситель горько плачет, а с ним
и весь народ.
Мария в хлопотах...
Не плачь, дитя, не плачь, сударь.
Вот бука, бука—русский царь».

А царь хвастается:

... «Я сыт, здоров и тучен.
Я ел и пил и обещал...
И делом не измучен...»

Дальше он говорит:

«И людям все права людей...
Отдам из доброй воли».

Последнее и есть «Сказки», ибо дарованы были не права, а военные поселения и аракчеевщина.

Немало найдем мы у Пушкина эпиграмм на Николая I:

«Царь же вешает народ...» и проч. Все эти цари, по Пушкину, вредные и смешные в своем ничтожестве люди.

Отношение Пушкина к высшим классам общества не менее разоблачительное. Всем известны соответствующие места в «Евгении Онегине» и проч. Но вот «Дневник» Пушкина, который читается сравнительно мало «Много говорят о бале, который должно дать дворянство по случаю совершеннолетия наследника. Вероятно купечество даст также свой бал. Праздников будет на пол-миллиона. Что скажет народ, умирающий с голоду?»

Не дурная характеристика литературного общества Греча и комп. — «Много шарлатанства и мало толку».

«Добросовестность» крупных царедворцев того времени также нашла свою оценку.

«Кочубей и Нессельроде получили по 200.000 на прокормление своих голодных крестьян. Эти 400.000 останутся в их карманах».

Иначе относится Пушкин к трудовому населению современной ему России. Возьмем его замечательную «Историю села Горюхина». Некоторые критики видели в этой истории попытку нарисовать широкую картину России в период расцвета крепостничества. От счастливого времени, когда Горюхино платило малую дань и управлялось старшинами, избираемыми народом на вече, мирскою сходкою называемом, «резкий переход к правлению приказчика, который в три года, стараясь о смирности вотчины, как о главной крестьянской добродетели, довел Горюхино до совершенного обнищания». А сцены из Крестьянской войны, где горячие симпатии автора явно на стороне восставших!

Пушкин несомненно сдвинул русскую общественную мысль с мертвой точки более, чем кто либо из его современников. И если сравнивать его с писателями зарубежными, то значительное его превосходство ясно. Сравните гетевского Геца фон Берлихингена со «Сценами из рыцарских времен», и вы это хорошо почувствуете.

Пушкин в прошлом — знамя культурной работы, знамя любви к людям, знамя того духовного роста, который переживала страна, несмотря на все противодействие господствующих классов. Наследство Пушкина говорит, что мы не бедны, что нам есть за что биться на культурном фронте. Пушкин в будущем: призыв к работе, к борьбе за новую высшую речевую культуру, за культуру личности и быта.

Мы чествуем память Пушкина по всей нашей необ'ятной стране. На десятках языков мы ее чествуем. Мы созидаем праздник культуры, праздник единения и дружбы народов. Мы берем лучшее, что было у нашего народа в прошлом, и передаем его будущему. Но неспокойно кругом. Чернокоричневые тучи нависли и на востоке и на западе, фашизм ведет кровавые наступления на труд и культуру во имя интересов крупного капитала. От него не отбиться ни эпиграммами, ни энтузиазмом культурной стройки. Спасет только Красная армия. Да здравствует Красная армия, бойцы которой больше интересуются Пушкиным, чем им когда либо интересовалась либеральная буржуазия прошлого, считавшая себя монополистом образованности.

И прав современный поэт Безыменский, когда он цитату из Пушкина превращает в боевой клич нашего времени:

«Да здравствует Ленин!
Да здравствует Сталин!
Да здравствует солнце,
Да скроется тьма!»

(Аплодисменты).

Все речи и доклады печатаются по сокращенной стенограмме.

Пушкинское наследство

Речь А. С. Бубнова

— Товарищи, первая мысль, которая, как мне кажется, должна возникнуть у каждого из присутствующих на этом торжественном научном заседании, заключается в том, что столетний пушкинский юбилей, являясь событием исключительной важности и значения, ставит целый ряд задач перед научным изучением громадного литературного наследства, оставленного нам гениальным преобразователем русской литературы и русского литературного языка, великим художником слова Александром Сергеевичем Пушкиным.

За последние недели и дни на страницах нашей печати, в многочисленных речах и докладах, посвященных жизни и творчеству Пушкина, в откликах на пушкинский юбилей со стороны народных масс Союза Советских Социалистических Республик многократно подчеркивалось то обстоятельство, что гигантский размах пушкинских торжеств, превратившихся ныне во всенародное движение, является ярким доказательством того расцвета советской культуры, которого социалистическая страна добилась под мудрым руководством вождя народов СССР великого Сталина. **(Аплодисменты).**

Несомненно также, что сами-то пушкинские торжества, развернувшиеся в столь величественный культурный парад на основе громадных побед социализма в нашей стране, окажут и уже оказывают в высшей степени благотворное воздействие на дальнейший рост культуры многочисленных народов, населяющих Советский Союз, будут одним из значительнейших факторов, еще более укрепляющих несокрушимую братскую дружбу народов нашей страны.

Торжественная пушкинская сессия Академии наук СССР, начавшая свою работу в столь замечательной обстановке, имеет все шансы для того, чтобы новым под'емом марксистского изучения пушкинского литературного наследства в максимальной степени содействовать овладению этим наследством самыми широчайшими народными массами СССР, всестороннему пониманию художественных произведений великого русского поэта и еще более широкому проникновению их в самую толщу народных масс.

В этом смысле нынешняя сессия Академии наук должна явиться и безусловно явится новым стимулом для дальнейшего развития научного марксистского пушкиноведения. Это является тем более реальным, что за 19 лет советской истории произведена исключительно большая работа в области пушкинского литературного наследства. Эта работа велась и ведется в самых различных направлениях. Громадная работа проделана по собиранию и концентрации всех литературных рукописных материалов, в какой-либо степени связанных с жизнью и творчеством великого русского поэта. Раньше эти материалы были в громадном большинстве случаев достоянием частных лиц. Теперь мы добились того, что все пушкинские рукописи находятся целиком и полностью в руках государственных учреждений, причем достойно быть отмечено и то, что жемчужины пушкинского гения сосредоточены в руках небольшого числа крупных культурных учреждений, как «Пушкинский дом» Академии наук, Всесоюзная библиотека имени Ленина и т. п. По-новому поставлено ныне и самое хранение пушкинских рукописей. Если представить себе, как с этими рукописями обращались в царской России и с каким вниманием храним мы их, то, конечно, для всех станет ясно, что между тем и другим лежит дистанция поистине громадная.

Не меньшая работа проделана и в области научного изучения пушкинских текстов. Пушкинская текстология в Советской стране стоит на большой высоте. Трудами целого ряда крупнейших советских пушкинистов проделана работа, которая дала возможность подойти вплотную к изучению таких сторон жизни и деятельности Пушкина, изучение которых было совершенно невозможно в России дореволюционной. Эта работа является не только фундаментом для научного пушкиноведения, но она сама уже по себе в наших руках и является такой предпосылкой, которая обеспечивает правильное направление всей исследовательской работы в области пушкиноведения. Целый ряд текстов Пушкина не только полностью восстановлен, но он и полностью очищен от тех извращений и даже глумлений, которые в царской России производились над текстами Пушкина людьми, ничего общего с наукой не имеющими.

Я также не могу не отметить того обстоятельства, что за годы советской истории мы имеем целый ряд научных изданий и научных работ, посвященных различным вопросам жизни и творчества Пушкина. Все это дает основание быть уверенным в том, что такие учреждения, как Институт литературы Академии наук, как Институт мировой литературы имени Горького и как Государственный литературный музей, каждый в своей области развернут в ближайшее время еще в большей степени работу в области марксистского пушкиноведения.

Товарищи, я не намерен здесь подвергать критике некоторых сторон работы над пушкинским наследством, хотя, может быть, они того и заслуживали бы, в части изучения жизни и творчества Пушкина. Этого я не собираюсь делать не только потому, что, как мне кажется, нынешнее торжественное заседание не имеет своим предметом этого вопроса, а также и потому, что я не считаю себя в силах выполнить эту чрезвычайно ответственную задачу. Но я должен все же сказать, что именно значительность и об'ем той работы, которая проделана, как в области собирания и концентрации пушкинских рукописей, так и в области пушкинской текстологии, мне кажется, пред'являют к тем научным учреждениям, которые занимаются изучением пушкинского литературного наследства, целый ряд таких задач, которые, думается мне, до сих пор ими выполнялись не в надлежащей степени.

Перед марксистским научным исследованием пушкинского наследства стоит также задача критики различных взглядов и теорий, которые не только не помогают пониманию литературной деятельности, художественного творчества и общего значения нашего великого национального поэта, но в некоторых случаях наносят этому пониманию ущерб и даже вред.

Разрешите мне, товарищи, приветствовать торжественную сессию Академии наук, посвященную 100-летию со дня смерти великого поэта, от имени Всесоюзного пушкинского комитета и пожелать вам плодотворной работы. **(Аплодисменты).**

Многогранный образ

В фойе Колонного зала Дома союзов, где открылась пушкинская сессия Академии наук, организована выставка памяти поэта.

Тщательный подбор иконографического материала, документов, выдержек из литературных органов первой трети XIX века воскрешают перед нами жизненный путь А. Пушкина, его окружение, литературную и общественную обстановку его времени, все этапы борьбы великого поэта с реакционерами всех мастей.

Непосредственно за этим разделом выставки следует другой раздел, в котором звучат уже иные голоса, сверкают иные краски. Это люди Советской страны. питомцы сталинской эпохи отдают свою дань любви и уважения поэту, воспевшему радость жизни, протянувшему свою руку через век бесправья, тьмы и унижения детям свободного социалистического общества. Десятки талантливейших картин и зарисовок, авторами которых являются рабочие разных возрастов — от 63-летнего Афанасьева до 16-летнего Пускина, множество стенных газет и фабрично-заводских многотиражек. Весь текст подчинен одной теме — Пушкину. О нем пишут как о чудесном открытии, ему посвящают горячие, проникновенные строки. Лейтмотив всех писаний неизменно один:

— Побольше книг о Пушкине, побольше научных исследований о его творчестве!

Как бы суммируя все эти пожелания, председатель Пушкинского комитета т. А. С. Бубнов в своем приветствии сессии Академии наук указывает на необходимость более углубленной, более упорной и настойчивой работы по развитию советского пушкиноведения.

Основы для этого в течение 19 лет существования советской власти заложены серьезные.

Заслуг советских ученых не следует ни забывать, ни умалять Это тем более необходимо, что наши пушкинисты не склонны к самоуспокоению. Нужно им всячески помогать, и нет никакого сомнения в том, что им удастся полностью удовлетворить жадные и нетерпеливые запросы читательских масс и что на основе марксистско-ленинского миропонимания они еще больше раскроют творчество гениального поэта, воскресят его многогранный образ.

Отдельные черты этого образа были ярко и убедительно раскрыты в докладах академика Комарова, В. Лебедева-Полянского и В. Кирпотина Академик Комаров говорил о Пушкине как о создателе русского литературного языка, как о поэте, который не «рукой рассеянной бряцал» на лире вдохновенной, а трудился напряженно и повседневно над тем. чтобы заложить основы современной нашей культуры.

Подробно говорил об этих концепциях Пушкина в своем интересном докладе В. Кирпотин. Рядом ярких иллюстраций т. Кирпотин показал, что материализм величайшего русского поэта был не только системой взглядов, а окрашивал все его лирические, задушевные чувства, входил органически во весь строй его поэзии Отсюда его искренняя ненависть к мистике и чертовщине, отсюда искренняя неприязнь к немецкой идеалистической философии и сознательная установка на реализм как на решающее условие развития русской литературы.

Немудрено, что в истории русского общественного движения XIX века художник такого масштаба, как Пушкин, занимал исключительное место.

В своем обстоятельном докладе В. Лебедев-Полянский проследил основные моменты этого движения и дал анализ причин, приведших к противоречивым зачастую оценкам значения Пушкина, обусловивших стремление различных общественных групп присвоить себе этого гиганта.

Особенно подробно остановился т. Лебедев-Полянский на тех оценках, которые дали творчеству Пушкина крупнейшие представители русской критики — Белинский, Чернышевский и Добролюбов.

В президиуме Сессии Академии наук СССР. Слева направо — академик Богомолец, вице-президент Академии наук СССР Губкин, народный комиссар просвещения РСФСР Бубнов, президент Академии наук СССР Комаров и вице-президент Академии наук СССР Кржижановский. Фото С. Лоскутова (Союзфото).

МИРОВОЗЗРЕНИЕ ПУШКИНА

Доклад В. Я. Кирпотина

Пушкин и его время

Жизнь и творчество Пушкина относятся к первой трети XIX столетия. Это было время, когда в главнейших странах Европы в сложном переплете исторических событий капитализм и его идеология восторжествовали над феодализмом и наиболее острыми проявлениями средневековой идеологии. В России же только начинали складываться силы, которые вели борьбу с самодержавием и крепостничеством.

Деятельность Пушкина относится к периоду, ознаменованному деятельностью дворянских революционеров Как и декабристы, как и Герцен, как впоследствии, в 60-е годы, демократы-разночинцы, Пушкин, выражая зреющие потребности народного развития, черпал из передовой идеологии Запада, ушедшего тогда вперед по сравнению с Россией В России началась критика самодержавно - крепостнического режима. Эта критика облегчалась влиянием передовых мыслителей западно-европейского просвещения. Пушкин, с детства владевший французским языком, жадно зачитывается произведениями мыслителей, подготовившими идеологическое вооружение французской революции конца XVIII века. На него оказывают влияние и философы и писатели просвещения.

Влияние французских просветителей

В смысле и значении жадно впитываемой им идеологии Пушкин отдавал себе полный отчет. «Между тем дух исследования и порицания — писал Пушкин в статье, озаглавленной «О русской литературе с очерком французской» — начинал проявляться во Франции». Философия XVIII г. «была направлена противу господствующей религии... и любимым орудием ее была ирония холодная и осторожная и насмешка бешеная и площадная... Влияние Вольтера было неимоверно. Около великана копошились пигмеи, стараясь привлечь его внимание своими приношениями Умы возвышенные следуют за ним Задумчивый Руссо провозглашает себя его учеником; пылкий Дидрот есть самый ревностный из его апостолов. Англия в лице Юма и Гиббона и Вальполя приветствует энциклопедию, Екатерина вступает с ним в дружескую переписку, Фридрих с ним ссорится и мирится; общество ему покорно. Европа едет в Ферней на поклонение Наконец Вольтер умирает, с восторгом благословляя внука Франклина и приветствуя новый свет словами, дотоле неслыханными.

Общество созрело для великого разрушения. Все еще спокойно, но уже голос молодого Мирабо, подобно отдаленной буре, глухо гремит из глубины темниц, по которым он скитается...

Смерть Вольтера не останавливает потока. Бомарше влечет на сцену, раздевает донага и терзает все, что еще почитается неприкосновенным.

Европа, отлушенная, очарованная славою французских писателей, преклоняет к ним подобострастное внимание. Германские профессора с высоты кафедры провозглашают правила французской критики. Англия следует за Франциею на поприще философии...»

Пушкин усвоил освободительный пафос просвещения XVIII в. Для него философия не была отвлеченной доктриной. Как и для великих мыслителей XVII и XVIII века, философия для него была тесным образом связана с нравственностью и политикой. Она должна была помочь перестроить и общественную жизнь и быт на новых свободных началах. Философия была для Пушкина не отвлеченным делом замкнутой школы, а живым интересом жизни, политики и литературы. Дух просвещения в его творчестве выражен полнее и глубже, чем во многих и многих тяжеловесных трактатах.

С легкостью и изящностью гения, овладевшего предметом, он дает стихотворную формулировку теории познания века, уверенного во всемогуществе разума:

Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и
тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да
скроется тьма!

Как у всех рационалистов материалистического направления, вера во всемогущество разума соединяется у Пушкина с признанием силы опыта, индуктивно исследующего многообразие земного мира.

О, сколько нам открытий чудных
Готовят просвещенья дух
И опыт —

писал он в одном незаконченном отрывке.

Для Пушкина мир был принципиально познаваем, ясен и открыт для ищущего, исследующего разума. Он знал, что на земле еще много непознанного, неоткрытого — но он также твердо знал, что в мире нет мистической изнанки, где копошатся какие-то будто бы таинственные силы, стоящие вне постижения человеческого разума. Внутреннее обнаруживается во внешнем, бога нет, мир материален и управляется не божьим произволом, а естественными законами. Пушкин высмеивает и преследует религиозное представление о мире.

Пушкину многое не нравилось в окружающем мире, но его мечты и желания сосредоточивались здесь, на земле, а не в мистических обетованиях церкви или идеалистической философии

Когда Пушкин в порыве страсти обращается к своей усопшей возлюбленной, он обнаруживает материалистическую человечность своих чувств Он не стремится к усопшей тени, а, наоборот, он хотел бы умершую вновь вернуть к себе, в реальный мир:

Зову тебя не для того,
Чтоб укорять людей, чья злоба
Убила друга моего —
Иль чтоб изведать тайны гроба,
Не для того, что иногда
Сомненьем мучусь.. но, тоскуя
Хочу сказать, что все люблю я,
Что все я твой: сюда, сюда!
(«Заклинание»).

Атеизм Пушкина

В смелых стихах «Гавриилиады» Пушкин превращает евангелие и христианство в смешное и глупое суеверие, достойное только осмеяния перед лицом разума Рационалистическая смелость мыслителя, соединенная с вольностью эротической поэзии, пародийная торжественность в сочетании с реалистической трезвостью дает поразительный по силе эффект. Вот, для примера, изображение обуреваемого любовью Саваофа:

И ты, господь! познал ее волненье,
И ты пылал, о боже, как и мы,
Создателю постыло все творенье,
Наскучило небесное моленье, —
Он сочинял любовные псалмы
И громко пел: «Люблю, люблю
Марию,
В унынии бессмертие влачу...
Где крылия? К Марии полечу
И на груди красавицы почию!..»
И прочее... все, что придумать мог.
Творец любил восточный пестрый
слог.

И с пушкинской экономностью и ясностью, без назойливого подчеркивания, как бы мимоходом поэма внедряет в сознание читателя свою основную мысль — результат долгой борьбы научного материалистического взгляда на мир с тысячелетиями религиозного суеверия. Влюбленный бог, вседержитель мира, забросил все дела.

Весь мир забыл, не правил он
ничем —
И без него все шло своим порядком.

Бог, религиозно-идеалистические мысли о провидении, о промысле божием и т. д. — все это только невежественный и реакционный вымысел. Мир на деле идет своим порядком по законам природы, не имеющим ничего общего с религией.

В стихотворении «Легенда» земная страстная любовь к мадонне противопоставляется Пушкиным аскетически-религиозному поклонению богоматери. Оно — дерзкий вызов учению церкви. Верность и постоянство поклонения рыцаря мадонне об'ясняется материалистическим, человеческим характером его чувства. Естественная человеческая любовь оправдана и превознесена над религиозной. которая к тому же еще тонко высмеяна: когда влюбленный рыцарь умер без причастья, бес хотел утащить его душу в преисподнюю:

Он де богу не молился,
Он не ведал де поста,
Целый век де волочился
Он за матушкой Христа,
Но пречистая сердечно
Заступилась за него
И впустила в царство вечно
Паладина своего.
(«Легенда»).

Осуждение эгоизма

Материалистический и атеистический взгляд на мир с логической необходимостью исключал у Пушкина узость суб'ективизма, делающего и в теоретическом и практическом отношении мир только следствием мыслящего и чувствующего эгоиста. Пушкин вдосталь нагляделся на современного ему человека.

С его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмерно
С его озлобленным умом
Кипящим в действии пустом!
(«Евгений Онегин»).

Себялюбие, эгоизм, превращение личности в маленького Наполеона, центр вселенной, пуп земли — всегда вызывало отвращение у Пушкина. Эгоистический суб'ективизм Пушкин клеймил многократно самым острым своим оружием — поэтическим словом и поэтическим образом. Алеко из «Цыган» осужден Пушкиным за то, что он «для себя лишь хочет воли». Первая отрицательная черта Онегина, как рисует его Пушкин, это эгоцентризм, неумение и нежелание понять, что он только момент в бесконечном бытии, только звено в бесконечной цепи других существ. Философский об'ективизм Пушкина об'ясняет нам и его отношение к Байрону, произведениями которого он увлекался во время своей южной ссылки.

В своем противопоставлении личности и общества Байрон впадал в необузданный суб'ективизм. Его герои — гордые, надменные люди, эгоисты, презирающие остальных людей, чувствующие над ними свое превосходство. Байрон — пессимист. Он считал невозможным разрешить удовлетворительным образом столкновение между личностью и обществом, он считал невозможным достижение счастья на земле.

Пушкин усвоил протестующую сторону поэзии Байрона. Герои его южных поэм также одинокие, разочарованные, гордые люди. Но между Пушкиным и Байроном есть чрезвычайно важное коренное различие в пользу Пушкина. Пушкин — оптимист, он протестует против гнета и несовершенства общественного строя во имя счастья всех людей и верит, что это счастье достижимо на земле Себялюбие и эгоизм своих разочарованных героев он считает не положительным, а отрицательным качеством. Пушкин требует равенства во взаимоотношениях между людьми. Он осуждает счастье и благополучие одного, достигаемое за счет других людей, за счет превращения других людей в средство для целей одного Пушкин как материалист по основным тенденциям своего мировоззрения признает независимое от сознания отдельной личности существование об'ективного мира, он понимает, что каждый чело-

ОКОНЧАНИЕ СМ. НА 3 СТР.

13, 14 февраля 1937 г.

ПУШКИНСКАЯ СЕССИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Окончание доклада В. Я. Кирпотина

век занимает в нем только свое определенное место, что каждый человек может быть счастлив только среди других людей и вместе с другими людьми.

Пушкин сознает свою личность в связи с миром и другими людьми.

Пушкин не пугался перед вечностью, смерть не ужасала его. Он не видел противоречия между конечностью человеческой жизни и бесконечностью природы. Смерть, если она приходит в конце радостной и удовлетворенной жизни, есть лишь завершающий беспробудный сон, встречаемый человеком со спокойным сознанием неизбежности.

Смерть одного есть скорбь, но она не останавливает жизни, не лишает других возможности радоваться и наслаждаться. В самой мысли о смерти видно, как Пушкин любит землю. Мужество перед лицом смерти он находит в мысли о вечности человеческого рода, об об'ективной, независимой от отдельного существования ценности других людей, других поколений. Он рад молодой поросли, поднявшейся около знакомых ему трех сосен в Михайловском за время его десятилетнего отсутствия:

Здравствуй, племя,
Младое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучий поздний
возраст,
Когда перерастешь моих знакомцев
И старую главу их заслонишь
От глаз прохожего. Но пусть мой
внук
Услышит ваш приветный шум,
когда,
С приятельской беседы возвращаясь,
Веселых и приятных мыслей полон,
Пройдет он мимо вас во мраке
ночи
И обо мне вспомянет.
(«Вновь я посетил»).

Человек умирает, мир, природа остаются.

Отношение к романтизму

Материалистическое и атеистическое мировоззрение Пушкина почти полностью предохранило его от воздействия реакции, восторжествовавшей в Европе вместе со Священным союзом, в России после разгрома декабристов. Под конец жизни Пушкина, в результате травли, одиночества, безнадежности, в его поэзии проявляются религиозные мотивы. Но даже это обстоятельство, казалось бы, находящееся в таком разительном противоречии с «Гавриилиадой», не может изменить общего тона творчества Пушкина — посюстороннего, земного, материалистического, реалистического. Мало того, если говорить о мировоззрении Пушкина в терминах историко-литературных, а не философских, то придется отметить, что реализм его творчества нарастал непрерывно вплоть до самой его гибели.

Пушкин относился отрицательно к немецкому классическому идеализму.

Но он все же разглядел положительное методологическое значение немецкой философии, разглядел в ней противоядие против все рассыпающего, все раз'единяющего на отдельные частности эмпиризма. Пушкин оценивал XIX век за политическую и умственную реакцию, за идеализм и суб'ективизм ниже, чем XVIII столетие. Однако, несмотря на это, Пушкин написал следующие слова, в статье «Мнение Лобанова...»

«Мы не принадлежим к числу подобострастных поклонников нашего века, но должны признаться, что науки сделали шаг вперед. Умствования великих европейских мыслителей не были тщетны и для нас. Теория наук освободилась от эмпиризма, возымела вид более общий, оказала более стремления к единству. Германская философия, особенно в Москве, нашла много молодых, пылких, добросовестных последователей, и, хотя говорили они языком, мало понятным для непосвященных, но тем не менее их влияние было благотворно и час от часу становится более ощутительно».

Отрицательное отношение Пушкина к идеализму и суб'ективизму, его сопротивление нарастающей реакции дают нам ключ к его пониманию романтизма, вызывавшему в обширной литературе о Пушкине большое количество разноречивых отзывов и толкований.

Под романтизмом Пушкин понимал свободу вдохновения — и только. Школа романтическая «есть отсутствие всяких правил» — писал он. Романтизм разрушал застылые, враждебные естественности и правде правила ложноклассицизма. Романтизм по сравнению с ложноклассицизмом был шагом вперед к реализму. Пушкин ценил романтизм за эти прогрессивные стороны его. Общепринятое истолкование романтизма Пушкин отвергал. «Французские критики, — писал он, — имеют свое понятие о романтизме. Они относят к нему все произведения, носящие на себе печать уныния или мечтательности». А уныние и мечтательность, то есть пессимизм и идеализм, были для Пушкина неприемлемы. Не идеалистическую суб'ективность, а реалистическую верность действительности в противоположность условной неестественности искал Пушкин у романтиков.

Пушкин тщательно ограничивает романтизм формальной стороной, которая для него приемлема и важна. Дух же романтизма идеалистический, суб'ективистский, Пушкин отвергал. Отношение Пушкина к романтизму лишний раз доказывает, что поэт устоял перед идеологической реакцией послереволюционной Европы, Европы времен реставрации. Поэтому то Пушкин и заявлял в такой категорической форме: «Я в душе уверен, что XIX век, в сравнении с XVIII, в грязи».

Историзм Пушкина

Опираясь на романтизм, Пушкин обогатил свое материалистическое и реалистическое мировоззрение историзмом, интересом к народным особенностям страны и пониманием диалектики человеческих характеров.

Круг исторических интересов Пушкина был обширен и разнообразен. Он понимал, что без знания прошлого невозможно понять настоящее и предвидеть будущее. История для Пушкина не была средством уйти от современности. Наоборот, современность он старался лучше понять через историю. Поэтому он от внимательного наблюдения современных ему крестьянских восстаний перешел к изучению истории восстания Пугачева. В движении Пугачева он открывал обобщающий смысл разрозненных крестьянских бунтов в современности. В реформах Петра Первого Пушкин видел образец, за которым он рекомендовал следовать Николаю I. Изучение деятельности Петра I имело для Пушкина не академический интерес, оно было продиктовано актуальнейшими вопросами современной политики. Точно так же и к смутному времени Пушкин обратил свои взоры не случайно, не по капризу гения. В Пушкине жило сознание непрочности современных ему политических и социальных отношений. Он знал, что под ногами самодержавно-крепостнического общества бушует огненный пожар народного недовольства, едва прикрытый снаружи, вот-вот грозящий испепелить танцующих на вулкане. От этого сознания Пушкин естественно обращался к смутному времени, одному из самых драматических, самых революционных периодов в прошлой нашей истории.

Тема «Бориса Годунова» — это тема власти и народа, и идея его — идея непрочности всякой власти, не опирающейся на общественное и народное мнение. Пушкин был истинно историчен. Он вовсе не искал в прошлом аллегорий, аналогий и схем, всегда натянутых. Он стремился к «верному изображению лиц, времени, развития исторических характеров и событий». Реалистическое непредвзятое изображение прошлого лучше помогает правильному уразумению современности, чем любая аллегория.

Конечно, Пушкин стремился, из боязни преследований, снять с себя ответственность за «применения», за попытки истолковать «Бориса Годунова» как иносказание о современности. Но против аллегоричности, против предвзятого схематизма, нарушающих историческую правду, Пушкин восставал совершенно искренне. «Драматический поэт, — писал Пушкин в заметках о «Марфе-Посаднице» Погодина, — беспристрастный, как судьба — должен был изобразить столь же искренно отпор погибающей вольности, как глубоко обдуманный удар, утвердивший Россию на ее огромном основании. Он не должен был хитрить и клониться на одну сторону, жертвуя другою. Не он, не его политический образ мнений, не его тайное или явное пристрастие должно было говорить в трагедии, — но люди минувших дней, умы их, предрассудки. Не его дело оправдывать, обвинять и подсказывать речи. Его дело воскресить минувший век во всей его истине».

Историзм выгодно укреплял и усиливал реалистическую об'ективность пушкинского мировоззрения в вопросах социальных.

Проблема народности

То же самое следует сказать и о требовании народности, которое Пушкин пред'являл к искусству. Стремление к народности увеличивало конкретную наполненность, реалистическую насыщенность пушкинского творчества. Известно, с каким вниманием изучал Пушкин русскую народную словесность, язык, нравы и обычаи русского народа.

В пушкинском понимании понятия «народность» опять таки обнаруживается широта и свобода его мировоззрения. Он высмеивал литераторов, которые понимали под народностью выбор предметов из отечественной истории или употребление простонародных выражений. «Есть образ мыслей и чувствований — об'яснял он — есть тьма обычаев, и поверий, и привычек, принадлежащих исключительно какому нибудь народу. — Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более и менее отражается в зеркале поэзии».

Пушкина, по его мировоззрению, по его теоретическим взглядам нельзя, конечно, назвать диалектиком, но в творческой практике он гениальным пониманием художника-реалиста дал не один пример диалектической разработки своих тем. Где особенно проявлялись диалектические черты в понимании Пушкиным действительности, это в трактовке человеческих характеров. Он никогда не подходил к человеческой психологии, как к чему то однолинейно-упрощенному, схематическому. Шекспира, как художника характеров, он ставил неизмеримо выше, чем Байрона.

«...Что за человек этот Шекспир? — писал Пушкин Н. Н. Раевскому. — Не могу притти в себя! Как Байрон-трагик мелок по сравнению с ним! Байрон, который постиг всего на-всего один характер (именно свой собственный)... разделил между своими героями те или другие черты своего собственного характера: одному дал свою гордость, другому — свою ненависть, третьему — свою меланхолию и т. д. и таким образом, из одного характера, полного, мрачного и энергичного, создал несколько характеров незначительных, — это уже вовсе не трагедия. Каждый человек любит, ненавидит, печалится, радуется, но каждый на свой образец. — читайте Шекспира». (Пушкин, переписка под ред. Саитова, том 1, стр. 248, перев. с франц.).

Пушкин — великий реалист

Реализм Пушкина был не просто результатом его гения. Реализм Пушкина вырос и окреп на основе любви и внимания к конкретной действительности, а эти свойства его были результатом материалистического по своему духу мировоззрения, признававшего ценность об'ективного мира, укрепленного изучением истории, народных особенностей и человеческих характеров.

Мировоззрение Пушкина было для своего времени передовым, прогрессивным. Гений Пушкина мужал и развивался не в уединении от общественных движений, а на гребне общественного под'ема первой трети XIX века. Он питался живым еще тогда влиянием идеологических потоков, подготовивших французскую революцию, он рос на революционном под'еме 20-х годов в России и Европе. После разгрома декабристов Пушкин вовсе не попадает в общее движение реакции, охватившее не только правительство, но и широкие общественные круги. Сложными и извилистыми путями он начинает отражать в своем творчестве самые первоначальные молекулярные процессы нового революционного под'ема, в зрелом виде ознаменованного уже деятельностью русских просветителей-шестидесятников.

Прогрессивность мировоззрения и творчества Пушкина об'ясняет нам общенациональное значение его гения, его гуманность, его уважение ко всякой человеческой личности, даже если это был тогда презираемый и третируемый крепостной мужик.

Пушкин и крепостное крестьянство

Пушкин резко выделялся из окружавшего его общества своим отношением к мужику. Для Пушкина крестьянин был не менее человеком, личностью, чем любой представитель господствовавших классов. Даже Пугачев, к восстанию которого поэт относился отрицательно, как человек изображен положительными красками. Пугачев у Пушкина сметлив, смел, помнит добро, держит себя с огромным достоинством перед победившими его царскими военными. Господствующие классы изображали крестьянских революционеров обычно в виде каких-то потерявших человеческий облик диких зверей. Пушкин и в своих художественных произведениях, и в публицистических высказываниях об'яснял эксцессы бунтовавших крестьян жестокостью помещиков.

Сочувствие низам было осознанной чертой пушкинского гения. Свое право на бессмертие поэт обосновал не только эстетической ценностью своего творчества, но и тем, что в свой жестокий век прославил он свободу, что «чувства добрые» он «лирой пробуждал». Добрые чувства, о которых писал Пушкин, не следует понимать в узко психологическом смысле. Они включали в себя поэтическую проповедь политического и социального раскрепощения.

Пушкин — гуманист и жизнелюбец

Вера в об'ективную ценность мира и людей, демократические струи в мировоззрении и творчестве Пушкина наполняли его стихи и прозу чувством доверия к будущему, чувством оптимизма. Пушкин один из самых величайших жизнелюбцев, которых человечество знало за всю свою прошлую историю. Никакое исследование жизни и творчества Пушкина не будет полно, если в нем не будет подчеркнуто это свойство солнца русской поэзии. Оптимизм Пушкина не был следствием незнания и неопытности. Нет, он прошел через испытание политических преследований, через горестные предчувствия насильственной смерти, через опыт жизни в среде раззолоченных холопов, среди торжествующих скотов, в стране, подавляющее и лучшее большинство населения которой было на положении рабов. И все же ни холодные наблюдения ума, ни горестные заметы сердца не могли искоренить пушкинского оптимизма. Пушкинский оптимизм — золотой мост, связывающий его надежды с нашей действительностью. Напряженно всматривался он сквозь мглу столетий в будущее. Пушкин обладал трезвым умом. Гармоническое будущее не казалось ему слишком близким.

Рассуждая в лирическо-героическом тоне о будущем русских дорог, Пушкин относил это будущее на пятьсот лет вперед от себя:

Когда благому просвещенью
Отдвинем более границ,
Современем (по расчисленью
Философических таблиц,
Лет чрез пятьсот) дороги верно
У нас изменятся безмерно;
Шоссе Россию здесь и тут
Соединив, пересекут,
Мосты чугунные чрез воды
Шагнут широкою дугой,
Раздвинем горы, под водой
Пророем дерзостные своды...
(«Евгений Онегин», гл. VII, строфа XXIII).

Через сто лет

Через сто лет самые дерзостные мечты Пушкина исполнились, и реальность далеко превзошла мечтания. Границы просвещения в нашей стране уже настолько широки, что 9/10 ее многонационального населения знают, ценят и любят Пушкина. Дороги у нас в самом деле изменились безмерно. Горы раздвинуты, под водами прорыты дерзостные своды. Мало того, изменился и политический и социальный строй страны — нет политического гнета, нет эксплоатации, страна живет на основе небывалой никогда раньше в мире Конституции, которую народ единодушно наименовал Сталинской. Значит ли это, что оптимизм Пушкина был слаб, что он был маловером? Ни в коем случае! Это значит, что творческие силы победившей социалистической революции безмерны, это значит, что ее плодоносную силу до Маркса не мог предвидеть ни один ум человеческий, как бы он велик ни был.

Сегодня народы Советского Союза празднуют память Пушкина. В грандиозных размерах этого празднования, в его глубоко-народном характере также виден размер и размах культурных успехов нашей родины. Сто лет тому назад Пушкин был затравлен и убит! Исчезли и развеялись, как прах, превратились только в историческое воспоминание Александр и Николай, Бенкендорф, Булгарины и Дантесы, исчезли, ликвидированы — и навсегда — самодержавие, крепостничество, эксплоатация, — Пушкин жив, живо его слово, живо в сердцах людей, водрузивших знамя социализма, знамя Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина на шестой части земного шара. Тьма скрылась, солнце взошло, музы и разум стали доступны всем, поэзия Пушкина стала всенародным достоянием.

ПУШКИН В ИСТОРИИ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Доклад П. И. Лебедева-Полянского

Пушкин — этот гигант русской поэзии, этот глубочайший выразитель своего времени, его революционных тенденций, бессмертен. Пролетарская революция, низвергнув многие ложные авторитеты, восторженно чествует великого русского поэта, чествует не только как великое прошлое, но и как явление, созвучное нашему времени.

Глубоко проникновенны слова великого Белинского о Пушкине: «Пушкин принадлежит к вечно движущим и движущимся явлениям, не останавливающимся на той точке, на которой застала их смерть, но продолжающим развиваться в сознании общества. Каждая эпоха произносит о них свое суждение, и как бы ни верно поняла она их, но всегда оставит следующей за нею эпохе сказать что-нибудь новое и более верное, и ни одна и никогда не выскажет всего».

Действительно, «Пушкин принадлежит к числу тех творческих гениев, тех великих исторических натур, которые, работая для настоящего, приготовляют будущее, и потому самому уже не могут принадлежать только одному прошедшему». Определить его значение «однажды навсегда, на основании чистого разума» просто невозможно; «решение должно быть результатом исторического движения общества», потому что «каждый новый день, каждый новый факт в жизни и литературе должны были изменять и образ воззрения на Пушкина». Так оно и есть. Каждая общественная группа, пытаясь присвоить себе идейное наследство поэта, истолковывала его по-своему, каждое десятилетие так или иначе изменяло образ Пушкина. И только Советская страна, страна социализма, произнесет о великом поэте свое окончательное суждение.

Первое свое признание, как великого национального народного русского поэта, признание восторженное, проникновенное, всесторонне обоснованное, Пушкин получил в статьях Белинского. Естественно, в этих замечательных статьях на суждениях о поэте неизбежно отразилось как развитие общества, русского и западноевропейского, так и развитие самого критика; самые знания о поэте не были полны и достоверны, статьи писались почти сто лет тому назад. Теперь пришло время, когда в суждения самого Белинского общественность нашей социалистической страны должна внести свои дополнения и раз'яснения, особенно в основное утверждение критика, что «Пушкин был по преимуществу поэт, художник».

Развивая свой взгляд на историю русской литературы, Белинский писал, что до Пушкина «у нас не было даже предчувствия того, что такое искусство, художество», «много было сделано для языка, стиха, кое-что было сделано и для поэзии; но поэзии как поэзии, т. е. такой поэзии, которая... развивая то или иное мировоззрение, прежде всего была бы поэзией, такой поэзии еще не было! Пушкин был призван быть живым откровением ее тайны на Руси».

Конечно, эти суждения критика нельзя понимать упрощенно, в том смысле, что Пушкин был поэтом т. наз. чистого искусства. Белинский имел в виду другое, именно то, что «непосредственно — творческий элемент в Пушкине был несравненно сильнее мыслительного элемента, так что ошибки последнего как бы без ведома самого поэта поправлялись первым и внутренняя логика, разумность глубокого поэтического созерцания, торжествовала над неправильностью рефлексий поэта».

Иначе: там, где поэт мыслью не улавливал исторического хода событий, исторической об'ективности, там на помощь ему приходила проникновенность художника, и своим художественным чутьем он так глубоко проникал в тайники действительности, в сущность событий, в их связь, что его совершеннейшие по мастерству картины жизни стали вечны, полные великого исторического смысла.

Если Белинский, исходя из основного своего положения, «что у нас нет литературы», что литература до Пушкина — плод чужеземный, привозной, что Пушкин первый создал национальную народную литературу, с наибольшей силой подчеркнул и выдвинул на первое место поэтическое совершенство поэта, мы со всей силой выдвигаем и другое: то, что он был одновременно великий, глубокий и трезвый мыслитель, мировоззрение которого складывалось последовательно и сознательно. Пушкин был высокообразованным человеком, как немногие из людей его времени. Он был глубоко конкретен и историчен. Он жил не только чувством страстным, но и глубокою мыслью.

Величие поэта, не только в том, что он добил классицизм и сентиментализм, своим творчеством нанес смертельный удар романтизму, — романтизму типа Жуковского с его мистицизмом, святостью, чертовщиной, неопределенностью, мечтою, уходом от действительности, романтизму демоническому, байронического типа. Поэт велик другим. Этот огромнейший и гениальнейший мастер создал в литературе новое направление — реализм.

От возвышенного, от романтических, байронических эффектов поэт спустился к «заурядным», «неинтересным» героям, к «простому столичному гражданину», «к коллежскому регистратору», «к станционному смотрителю», которых много на Руси и которых никто не замечает, и наконец к мужику.

Величие поэта в том, что он положил основание тому реализму, продолжателем которого был Гоголь. Между Гоголем и Пушкиным нет принципиальной разницы, разница в их социальном возрасте. Гоголь шел той же дорогой, по которой в последние годы своей жизни шел Пушкин. Гоголь пошел дальше поэта, но от него, его путем и даже не без помощи поэта. Пушкин дал Гоголю сюжеты «Ревизора», «Мертвых душ».

Как реалист Пушкин устремляет свой взор на исторический дух эпохи, на национальный характер своих героев и событий. Говоря о национальности, народности, будничности жизни, поэт, как он выражается, «унижается до смиренной прозы». Он обещает: «но просто вам перескажу преданья русского семейства, любви пленительные сны да нравы нашей старины». Он «завертывает на скотный двор», называя все это иронией «фламандской школы пестрым сором», и наконец заявляет, полемизируя со своими противниками:

Иные нужны мне картины,
Люблю песчаный косогор,
Перед избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор...
Теперь мила мне балалайка,
Да пьяный топот трепака
Перед порогом кабака.
Мой идеал теперь — хозяйка...

Пушкин не только создал новое реалистическое направление; больше: он заставил и критику считаться не с отжившими эстетическими канонами, а с жизненной правдой произведения.

Все это и обязывает нашу современную общественность говорить о Пушкине не только как о созерцателе жизни, но и как о мыслителе, проникающем в глубины действительности.

Весь основной «пафос» творчества поэта, его реализм, гуманизм, ненависть к самодержавию и любовь к народу, были не только плодом художественной проникновенности, но и плодом глубокой ясной мысли, хотя и не доходившей до конца.

Прав был Белинский, когда указывал, что «в мир пушкинской поэзии нельзя входить с готовыми идейками», потому что «Пушкин доступен только глубокому чувству действительности». Обычно прогрессивность Пушкина определяют в зависимости от того, насколько полно он выражал идеи декабризма. Этого недостаточно. Во-первых, среди декабристов были борцы за демократическую республику и защитники ограниченной монархии; во-вторых, гуманизм поэта выходил за границы идеологии декабристов, и тем самым Пушкин выходил за пределы того класса, к которому он принадлежал, революционные стремления которого он поэтически отражал. Мы любим поэта как гениального мастера, но еще более любим и будем любить за его гуманизм, который так созвучен нашей эпохе, полностью выразившейся в великой сталинской Конституции.

Отвечая тем, кто был разочарован поэмой «Цыганы», Белинский твердо подчеркнул, что это разочарование означает, что поэт вдруг перерос свою публику и «одним орлиным взмахом очутился на высоте, недоступной для большинства», что Пушкин «уже перестал быть выразителем нравственной настроенности современного ему общества и что отселе он явился уже воспитателем будущих поколений». Он был прав. Мы, конечно, очень далеко ушли от поэта, но голос его гуманизма громко слышен, он созвучен нашим дням.

Статьи о Пушкине Белинский писал в последний период своей литературной деятельности, в 1843—1846 годы, когда он был весь в «социальности», когда в нем, по его собственным словам, развилась «какая-то дикая, бешеная, фанатическая любовь к свободе и независимости человеческой личности, которая возможна только при обществе, основанном на праве и доблести», когда он начинал любить человечество по-маратовски и готов был ради этой любви действовать «огнем и мечом», когда он уже был знаком с философией Л. Фейербаха.

Естественно, страстный борец Белинский, переросший мировоззрение декабристов, в своей классовой борьбе и непримиримости, поскольку Пушкин не мог подняться на ту высоту социальной мысли, на которой стоял сам критик и которая с наибольшей яркостью и силой сказалась в знаменитом письме к Гоголю, он подчеркнул в Пушкине, в первую очередь его мастерство, а в Гоголе и Лермонтове — их социальный протест, поскольку у этих писателей он был выражен с большей горячностью и гневностью.

Признав, что общий идеал поэзии Пушкина, «внутренняя красота человека и лелеющая душу гуманность» не могут быть осуществлены в самодержавно-крепостной действительности, революционный демократ Белинский требовал от литературы сугубо реалистического показа жизни, беспощадной ее критики, гневного протеста против ее ужасов и призывал к непримиримо кровавой борьбе. Поскольку поэт всего этого не выразил так, как хотелось критику, он недооценил критику поэтом дворянской действительности, заявив, что Пушкин «в душе был больше помещиком и дворянином, нежели сколько можно ожидать этого от поэта» (III, 442).

Во времена борьбы за раскрепощение крестьянства такая заостренная формулировка была понятна. Критик не хотел, чтобы русское общество хотя бы каплями впитывало в себя идею примирения помещика с крестьянином.

Несколько раньше, в начале 1840 года, Белинский очень верно определил, что «миросозерцание Пушкина трепещет в каждом стихе, в каждом стихе слышно рыдание мирового страдания, а обилие нравственных идей у него бесконечно».

Мысль, что Пушкин не столько мыслитель, сколько художник, в последующие годы выросла в нелепую легенду, что Пушкин после декабрьского восстания стал поэтом так называемого чистого искусства. Политическая борьба 60-х годов, борьба революционной демократии с либералами, выдвинув на первое место Гоголя, помешала разоблачить эту легенду. Это — задача наших дней.

В шестидесятые годы, как известно, развернулась борьба между пушкинским и гоголевским направлениями в литературе. Эта литературная борьба имела свой откровенный политический смысл. Либералы отстаивали пушкинское направление, ложно трактуя его как направление чисто эстетическое и потому чуждое общественной борьбе, политике. Революционная крестьянская демократия отстаивала гоголевское направление, поскольку в нем с наибольшей силой выражены общественно-сатирическо-критические тенденции. Спор шел, конечно, не о том, чей талант выше, пушкинский или гоголевский. Это — примитивная постановка вопроса. Революционная демократия утверждала, что Пушкин свою историческую миссию закончил, передав ее Гоголю, что вместе с этим литература из художественного созерцания превратилась в активную политическую силу. Но это не помешало Чернышевскому признать гениальность Пушкина и даже в некоторых случаях быть справедливее Белинского. Он считал, что «смешно было бы думать», что за последние годы «талант Пушкина начинал ослабевать», что во время написания «Онегина» и «Годунова» он достиг «возможной высоты своего развития», и то, что «с этого времени относительное достоинство поэтических его произведений не возрастает неуклонно с каждым годом, зависит не от более позднего года, как прежде, а просто от изменяющихся обстоятельств свободного вдохновения». Чернышевский не раскрыл нам, что он подразумевал под «изменяющимися обстоятельствами», но с достаточной долей вероятности можно утверждать, что он имел в виду политические обстоятельства и положение поэта как пленника самодержавия, когда Пушкин не только не мог свободно говорить, но в течение двух лет не мог написать ни одной поэтической строчки.

Чернышевский находил, что наряду с «Горе от ума», как произведения сатирического, «важно было влияние Пушкина как сатирического писателя, каким он являлся преимущественно в «Онегине». Что было слабо видно Белинскому как современнику поэта, то стало ясно через несколько лет такому прозорливому и последовательному демократу, как Чернышевский.

Чернышевский признал, что «в истории русской образованности Пушкин занимает такое же место, как и в истории русской поэзии», что он был человек громадной образованности даже для 60-х годов, что «каждый стих, каждая строка беглых заметок Пушкина затрагивали, возбуждали мысль, если читатель мог пробудиться к мысли».

Чернышевский очень чтил память Пушкина и клеймил всех, кто пытался снизить его значение. Он писал: «Не успело еще взойти в свои берега взволнованное утратою поэта чувство общества, как подняла свое жужжание и шипение на страдальческую тень великого поэта злопамятная посредственность. Она начала прямо и косвенно толковать о поэтических заслугах Пушкина, стараясь унизить их...»

Добролюбов считал Пушкина первым поэтом, вырвавшимся из рутины державинского и карамзинского творчества. Его увлекало то, что поэт «долго возбуждал негодование своей смелостью находить поэзию не в воображаемом идеале, а в самом предмете, как он есть». Усиленно подчеркивая прогрессивный характер произведений поэта, Добролюбов указывает, что под давлением самодержавия, после разгрома движения декабристов муза поэта не раз исторгала неверные ноты, но не в силу «естественных потребностей души поэта, а по слабости характера». Когда Добролюбов рисовал идеал современного ему поэта, он писал: «Нам нужен был бы теперь поэт, который бы с красотою Пушкина, с силою Лермонтова умел продолжить и расширить реальную, здоровую сторону стихотворений Кольцова».

Революционные демократы не видели в прошлом поэта, который отражал бы их интересы, их поэтами были Некрасов и Шевченко, недаром на похоронах Некрасова, во время речи Достоевского, разгорелся спор, кто выше — Некрасов или Пушкин. Это была неправильная постановка вопроса, внеисторическая, но она показательна (в смысле социальной характеристики Пушкина).

Голос Некрасова заглушал в те дни голос Пушкина.

Белинский, Чернышевский и Добролюбов в своих статьях не раз называют Пушкина поэтом-дворянином. Да, он был дворянин, но не просто дворянин, а дворянин — певец демократизма, поэтическое выражение идей дворян-революционеров; его поэзия не служила тому реакционному дворянству, из рядов которого вышли Бенкендорф, Воронцов, Пуришкевич и другие охранители царского престола. Класс естественно оказывал влияние на поэта, но в нем просыпался не класс, а народ, нация, историческая судьба; в нем сказалось еще нераскрытое эмоционально-идейное содержание размаха общечеловеческой значимости.

Пушкин в разрешении социальной проблемы, в поисках общественной силы и положительного героя изучал революционное движение Пугачева, стараясь проникнуть в социальную психологию крестьянской массы и находя там положительное, видя в Пугачеве не зверя, как рисовали его буржуазные историки, а человека доброго.

С новой силой разгорелись прения вокруг Пушкина в 1880 году, во время открытия поэту памятника в Москве на бывш. Тверском бульваре. Бурю вызвала речь писателя Ф. М. Достоевского. Подчеркивая русскую самобытность творчества поэта, он нашел у Пушкина тип извечного скитальца, неудовлетворенного действительностью, ищущего правды. Этот тип не исчезнет из русской жизни, потому что его поиски высшей правды может удовлетворить только всечеловеческое счастье, на меньшем он не мирится... С другой стороны, противопоставив этому ищущему скитальцу Татьяну, писатель бросил лозунг: «Смирись, гордый человек!» Речь Достоевского была одновременно и выражением взглядов мракобеса Победоносцева, она выражала самые реакционные взгляды.

Речь Достоевского была искусной попыткой сделать Пушкина знаменем мракобесия. Эта попытка, однако, не удалась. Поэт как был, так и остался «символом пробуждения русской жизни». Очень характерно письмо Чаадаева к Пушкину от 18 сентября 1831 г. «О, как бы я хотел суметь вызвать сразу все могущество твоего поэтического духа! О, как хотел бы я в эту минуту извлечь из него все то, что — я знаю — скрыто у тебя на дне твоей поэтической души. И тогда в один прекрасный день мы услышали бы одну из тех песен, которых так требует наш век». А каких песен ждал Чаадаев, об этом можно судить по его знаменитому философическому письму.

Поэт не оставил нам той песни, она не написана поэтом, но народ нашей страны, без различия национальностей, «тунгуз, и друг степей калмык», «всяк сущий в ней язык» внутренним чутьем и изучением творчества поэта почувствовали и нашли мотивы этой песни, нашли мотивы ненависти к поработителям народов, мотивы безграничной любви к человеку, мотивы стремления к светлой, солнечной, многогранной творческой жизни, революционный оптимизм и умение по-эллински воспринимать жизнь. Поэт стал в доподлинном смысле народным.

Гордый человек нашей страны не смирился, как звал Достоевский, а, создав счастливую, радостную жизнь своей страны, идет, руководимый коммунистической партией Ленина — Сталина, под знаменем международной пролетарской революции к всечеловеческому счастью.

Этот человек провозглашает: Пушкин — наш.

Потомки А. С. Пушкина в зале заседания сессии Академии наук Союза ССР, посвященной 100-летию со дня смерти А. С. Пушкина
Фото С. Лоскутова (Союзфото)

ПУШКИНСКАЯ СЕССИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Создатель русского литературного языка

Доклад акад. А. С. Орлова

В условиях сближения России с общеевропейской культурой в XVIII веке реформа русского литературного языка стала неизбежной необходимостью. Русские писатели этого столетия, Ломоносов, Тредиаковский, Сумароков, анализировали состав русского языка в отношений образующих его элементов и на основании сочетаний этих элементов устанавливали нормы нового языка, способного вместить наплыв новых понятий.

Установление этих норм сопровождалось спорами, каков должен быть структурный стержень нового языка—церковно-славянский ли или западно-европейский (для конца XVIII в. французский). Завязалась борьба между западником Карамзиным и славянофилом Шишковым. Карамзин талантливо подражал французскому синтаксису и удачно применял французские выражения к русскому словообразованию, но его реформа была основана на изысканном языке французских салонов, была узко-аристократичной. Реформа же Шишкова строила новый язык на основе средневековой церковной славянщины, которой он даже придавал религиозное значение.

Карамзинская школа в общем победила, успев выдвинуть таких поэтов, как Жуковский и Батюшков. Но и эти поэты оказались бессильными завершить реформу языка, так как проявляли творчество лишь в немногих модных жанрах литературы, и притом с манерностью и робостью.

Явился Пушкин и принес с собою ту равнодействующую языкообразующих сил, которая организовала русский язык, как поистине национальное выражение сложившейся новой русской культуры в ее мировом значении. Он совершенствовал ее в течение всей своей жизни, изучая со стороны поэтического языка творчество своих предшественников и прислушиваясь к живой речи.

Хотя в ранней юности Пушкин был правоверный карамзинист, он скоро опередил своих учителей, Жуковского и Батюшкова, свободой пользования разными стилями поэтического языка. Он не подчинялся этим стилям, а сознательно воспроизводил их. Так уже в 1814 г. Пушкин написал «Воспоминания в Царском селе» — точно воссоздавая архаический стих Державина, и шутливое послание «Городок» — в легком стиле Батюшкова, украсив этот стиль простодушными выражениями народного быта. Уже к 1820 годам Пушкин почти освободился от тех карамзинских новотворок на французский лад, которые не оправдывались русским словарем и фразообразованием живого языка, и стал изгонять следы французской риторики салонных жанров Жуковского и Батюшкова. Что касается славянизмов, конечно, Пушкин не следовал шишковскому культу их и всячески снижал их тональность, то цитируя их ради комизма и издеваясь над ними в своих атеистических произведениях, то признавая за ними структурную полезность, вносящую разнообразие.

Смелая независимость в комбинировании элементов языка, по видимости противоречивых (европеизмы, славянизмы, русский разговорный язык и пр.) и стремление к его упрощению, демократизации и национализации особенно сказались в поэме «Руслан и Людмила» (1820). Хотя общий языковый фон этой поэмы носит на себе признаки карамзинской школы, все же аристократическая система этой школы была безвозвратно разрушена данной поэмой. Особо могучею, разрушающею силою оказалось фамильярное просторечие, которым Пушкин насытил свою поэму. Карамзин был ею расстроен, хотя и отзывался как о безделке, а ретрограды другого лагеря назвали ее «мужицкой». Это не остановило Пушкина, он пошел еще далее в том же направлении и, преобразившись в рассказчика из простого народа, выпустил новую поэму — «Братья-разбойники», щедро рассыпав по ней народные выражения, совершенно неприемлемые для «галантных» читателей.

В 20-х же годах Пушкин выступил и как аналитик языка. Он обличил рабскую подражательность французскому у Дмитриева и Карамзина, укорил их за манерность и бледность речи и рекомендовал изучать язык русского простонародья, его обычаи, песни, сказки, его историю. Этот призыв к историческому изучению национальности Пушкин осуществил на деле, создав трагедию «Борис Годунов» (1825). В свободной драматической манере он подражал здесь Шекспиру, в историческом фоне — истории Карамзина, но для создания характеров и для речи своих многообразных персонажей Пушкин сам изучал старорусскую литературу, летописи, грамоты и народные песни. Таким образом, Пушкин создал и тип национальной русской драмы и иллюзию старинного языка в разных его стилях для дальнейшего поколения русских исторических драматургов (Островский, А. К. Толстой) и переводчиков шекспировских хроник.

Параллельно с «Борисом Годуновым» Пушкин работал и над «Евгением Онегиным» (1823—1831). Для этого романа Пушкин «не рылся в хронологической пыли»: и он, и все его персонажи говорили здесь бесподобно верным живым русским языком, легко стесненным формой.

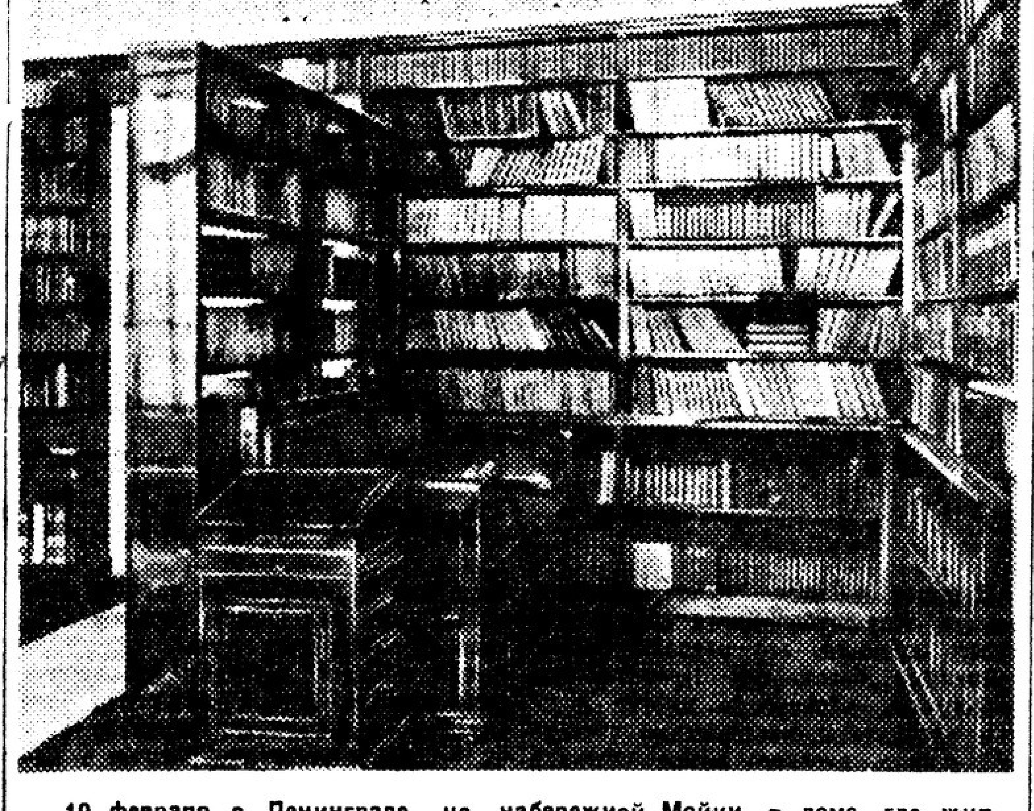
В своих непрекращающихся заботах о русском языке, отраженных замечаниями в прессе, Пушкин все чаще приглашает писателей обращаться к «вымыслам народным» и его поэтическому «просторечию», т. е. к народной словесности, фольклору. Известно, как Пушкин умел сам подражать народным песням. Вот эта поэтическая угадка позволила ему создать ряд стихотворных сказок, которые оказались сами столь народны, что представляют так сказать «фольклор Пушкина».

В своих стихах Пушкин дошел до предела «прозаической» простоты. Он добился того, что в них исчезла напряженная «стиховая» постановка слов.

Работу над языком Пушкин производил преимущественно на стиховом материале, но уже в 1826 г. признавался, что «лета к суровой прозе клонят», и считал, что именно проза требует «мыслей» и «нагой простоты» языка. И вот в прозе последнего десятилетия своей жизни Пушкин показал себя с тем же блеском, как и в стихах. Собственно, Пушкин создал прозу, создал ее неподражаемый язык, краткий, простой и насыщенный мыслями. Здесь он еще более демократизировал и уточнил язык.

«Арап Петра Великого», «Повести Белкина», «Дубровский», «Капитанская дочка», «Пиковая дама» и т. д. — каждое из этих произведений — своеобразная вершина поэтической горной цепи, особый образец особого стиля. Все они отличаются одно от другого словарем, фразеологией и синтаксисом. Если «Арап Петра Великого» полон галлицизмами, то ведь это прямо вытекает из сюжета. А если «Капитанская дочка» пропитана руссизмом народных песен, так ведь все образы ее выросли из почвы, взволнованной народным движением.

Создавая русский литературный язык, Пушкин основал его на всей широте европейского мышления и на всем богатстве социальных диалектов русского общества. Пушкинскую речь литераторы жестоко критиковали при жизни поэта, но жадно изучали принципы ее создания. Эта речь не давалась их профессиональному подражанию, ибо создана была великим гением, великим трудом и великой любовью к народу. Пушкин творил язык не для одной своей эпохи и не для одного общественного класса. Он творил для родины, он трудился так, чтобы его трудом мог воспользоваться «всяк сущий в ней язык», и вот все народы нашего Союза празднуют ныне великую память Пушкина.

10 февраля в Ленинграде, на набережной Мойки, в доме, где жил А. С. Пушкин, открылся музей его имени. На снимке: библиотека поэта

Фото В. Мельникова (Союзфото).

Гостиная в музее-квартире А. Пушкина

Фото Л. Великжанина (Союзфото)

■ ■ ■

ПЕРЕЦ МАРКИШ

ПУШКИНУ

Властитель дум — бессмертье ты приял.
Не мир покинул ты, а тьму и безвременье;
И в вихре буйных лет не угасал
Твой гордый и величественный гений.

Во тьме ночей морозная белеет ель,
Как заснеженное минувших дней преданье,
— Твоя дуэль с царем, поэт, — твоя дуэль
Народом принята была как завещанье!

В огне гражданских схваток и боев,
Когда взлетали грозные зарницы,
Когда в потоках гнева рокотала кровь, —
Была и кровь твоя засчитана убийцам!

Надежду верную в борьбе тая,
Ее народ пронес сквозь гул столетий;
— Была, была засчитана твоя
Поруганная кровь пророка и поэта!

Твой неостывший прах, поваленный на сани,
Как в ссылку, проводили ветер и конвой;
Над Русью пронеслось еще одно сказанье
Из летописи тьмы и скорби вековой!

Теперь она в цвету — твоя страна,
Утесом возвышается могучим;
В свободу и в величие облачена,
Как в песнопение твоих пленительных созвучий!

По всей земле, по всей планете снова
Слух о тебе идет потоком лет;
И племя древнее мое стихами славословит
Тебя, усыновленный человечеством поэт!

Н. ПЛИСКО

Истоки критического реализма

Чем пристальнее и внимательнее мы вглядываемся в творения величайшего национального гения А. С. Пушкина, тем ярче и грандиознее вырастает перед нами его образ. Нет, кажется, такой области жизни, куда бы ни проник его вещий и пытливый ум. Читая его, поражаешься непревзойденной простоте, самостоятельности и самобытности суждений, словно сама жизнь, история, вселенная говорят с нами, с его читателями, устами пророка, борца, земного человека.

Под его влиянием складывалась, росла и развивалась русская классическая литература. Литературно-критические взгляды Пушкина помогли в значительной мере выработке эстетических принципов Белинского. Музыкальность, гармоничность его поэзии оказала непосредственное влияние на характер русской классической музыки, найдя непревзойденное свое завершение в Чайковском. Да можно ли найти хоть одну область, где бы он ни оказал своего влияния?

«В разговорах его, — пишет о Пушкине Адам Мицкевич, — которые становились все более серьезными, можно часто заметить зародыши будущих его произведений. Он любил обсуждать высокие религиозные и общественные вопросы, которые соотечественникам его даже и не снились.. Слушая его рассуждающим об иностранной политике или политике своей страны, можно было его принять за мужа, постаревшего в общественных делах и ежедневно читающего прения всех парламентов» («Адам Мицкевич о Пушкине», «Литгазета» № 7, 1937 г.).

Трезвый, живой, пытливый, всепроникающий ум Пушкина, требующий от художественного произведения в первую очередь настоящей и большой мысли, помог ему, наперекор литературной стихии его времени, создавать вещи подлинно реалистического пафоса, неувядаемой прелести и вековой силы.

Крепостническая Россия Бенкендорфов и Аркачеевых, Дундуков и Булгариных, этих мракобесов, душителей всего живого, человеческого, прогрессивного, Россия крепостников-помещиков, под мраком реакции вершивших суд правый и скорый над миллионами русских крестьян, такая Россия вызвала в Пушкине клокочущую ненависть и презрение:

Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда...
. . . .
А ты, младое вдохновенье,
Волнуй мое воображенье,
Дремоту сердца оживляй,
В мой угол чаще прилетай,
Не дай остыть душе поэта,
Ожесточиться, очерстветь
И, наконец, окаменеть
В мертвящем упоеньи света,
Среди бездушных гордецов,
Среди блистательных глупцов,
Среди лукавых, малодушных,
Шальных, балованных детей,
Злодеев и смешных и скучных,
Тупых, привязчивых судей,
Среди кокеток богомольных,
Среди холопьев добровольных,
Среди вседневных, модных сцен,
Учтивых, ласковых измен,
Среди холодных приговоров,
Жестокосердной суеты,
Среди досадной пустоты,
Расчетов, дум и разговоров,
В сем омуте, где с вами я
Купаюсь милые друзья.

Стихи, эпиграммы, поэмы и повести Пушкина, словно вспышки молний, освещали темные углы николаевской самодержавно-крепостнической России, и тогда вся эта мразь и нечисть, начиная с коронованных и титулованных негодяев и кончая добродушными помещиками-глупцами, вдруг начинала копошиться, шипеть, и всячески выражать всю силу своей ненависти к поэту.

Пушкин ставил перед собой все новые и новые задачи и своим творчеством пытался разрешить или, вернее, помог разрешению основных политических проблем своего времени.

Ему необходимо было создать такие средства художественного выражения, которые покоряли людские сердца и выводили бы человека из того омута запустения, мракобесия, в которое поверг Россию «самовластительный злодей». Беспредметные балладно-романтические воздыхания Жуковского, романтические устремления поэтов, окружавших Пушкина, не могли, по его мнению, вести за собой людей, и он мучительно ищет путей для реалистического искусства.

Он уходит от романтических, байронических поэм, направляясь к реализму. Этот перелом отчетливо виден уже в поэме «Цыганы».

Пушкин начал свою работу над «Евгением Онегиным», и уже к этому времени сложились у него реалистические принципы.

«Онегин, — пишет А. М. Горький, — как тип... только что сложился в 20-х годах, но поэт тотчас же усмотрел эту психику, изучил ее, понял и написал первый реалистический роман, — роман, который помимо неувядаемой его красоты имеет для нас цену исторического документа, более точно и правдиво рисующего эпоху, чем до сего дня воспроизводят десятки толстых книг».

Реализм предполагает непременное обращение к действительности, пристальное изучение жизни, правдивое изображение типических характеров в типических обстоятельствах. Пушкин, как гениальный художник, угадал этот путь и пришел к реализму.

В своих заметках «О Байроне и его подражаниях» Пушкин писал: «Байрон бросил односторонний взгляд на мир и природу человеческую, потом отвратился от них и погрузился в самого себя. В «Каине» он постиг, создал и описал единый характер (именно свой), все, кроме некоторых сатирических выходов, рассеянных в его творениях, отнес он к сему мрачному могущественному лицу, столь таинственно-пленительному. Когда же он стал составлять свою трагедию, то каждому действующему лицу роздал по одной из составных частей сложного и сильного характера и таким образом раздробил величественное свое создание на несколько лиц, мелких и незначительных. Байрон чувствовал свою ошибку и впоследствии времени принялся вновь за Фауста, подражая ему в своем «Превращенном уроде», думая тем исправить». (Пушкин, т. VI, Гослитиздат, 1936 г., стр. 53).

Именно погружение художника в себя, отвращение от действительности, что было характерным для творчества Байрона, вызывает у Пушкина порицание. Художник не может создать подлинно правдивого, реалистического произведения, не изучая действительность, не умея обнаружить заложенных в ней тенденций развития. Вот почему Пушкин обращает свои взоры на писателей, правдиво изображающих характеры и человеческие страсти.

Работа над «Борисом Годуновым» приводит Пушкина к творчеству гениальнейшего драматурга всех времен и народов — к Шекспиру.

«Изучение Шекспира, — пишет Пушкин в предисловии к «Борису Годунову», — Карамзина и старых наших летописей дало мне мысль облечь в драматические формы одну из самых драматических эпох новейшей истории. Не смущаемый никаким иным влиянием, Шекспиру я подражал в **его вольном и широком изображении характеров, в небрежном и простом составлении типов** (подчеркнуто мною.— **Н. П.**). Карамзину следовал я в светлом развитии происшествий; в летописях старался угадать образ мыслей и язык тогдашних времен. Источники богатые. Умел ли ими воспользоваться — не знаю. По крайней мере труды мои были ревностны и добросовестны». (Пушкин, т. VI, ГИХЛ, 1936, стр. 74).

В русской литературе пушкинской поры были сильны традиции ложноклассицизма, немецких романтиков, и Пушкину пришлось решительно, самоотверженно ломать установившиеся каноны поэтической формы. И нужно быть гением, чтобы с такой решимостью, какую мы видим у Пушкина, ломать художественные формы, мешающие выражать новые явления жизни, иную обстановку. В цитированных уже выше набросках предисловия к «Борису Годунову» Пушкин писал: «Отказавшись добровольно от выгод, мне представляемых системою искусства, оправданного опытами, утвержденной привычкою, я старался заменить сей чувствительный недостаток **верным изображением лиц, времени, развитием исторических характеров и событий».** (Подчеркнуто мною — **Н. П.** т. VI, 1936 г., стр. 64).

Еще отчетливее характер реалистических устремлений Пушкин формулирует в «Заметках о народной драме и Марфе-Посаднице Погодина». «Истина страстей,— говорит он,— правдоподобие чувствований в предполагаемых обстоятельствах, вот что требует наш ум от драматического писателя».

Реалистическое изображение действительности предполагает прежде всего наличие определенного мировоззрения, наличие ясного и недвусмысленного отношения к явлениям изображаемой художником действительности. Воспитанный на французской материалистической литературе и философии энциклопедистов XVIII века, Пушкин выработал мировоззрение, основы которого были несомненно материалистическими.

Определенность политических устремлений, близость к декабристскому движению не могли не найти своего отражения в художественном реалистическом методе Пушкина.

Пушкин явился основоположником **критического реализма.** Изображая картины русского общества начала XIX века в «Евгении Онегине», смутное время на Руси в «Борисе Годунове», Пушкин давал реалистические картины российской действительности. Именно поэтому «Евгений Онегин» в бенкендорфско-булгаринской критике встречал резко враждебное отношение; именно поэтому Николай I предложил Пушкину переделать «Бориса Годунова» в роман; именно поэтому крепостники-мракобесы, высокопоставленные сановные палачи требовали обуздать Пушкина, творения которого подрывают основы царистского режима.

Но Пушкин, как всякий гений, идущий своим путем, закладывал основы русского критического реализма. Это затем нашло свое яркое выражение в творчестве величественной плеяды русских писателей и поэтов классиков. От стихов «Деревня», «Чаадаеву», оды «Вольность», «Кинжал», через вековую историю освободительной борьбы пролег путь через поэзию Лермонтова к Некрасову, а от Некрасова к Маяковскому. Всем памятны стихи неизвестного тогда еще гвардейца Лермонтова на смерть поэта, посвященные гибели Пушкина. Некрасов сам прямо указывал, что пушкинская ода «Вольность» — вот стихи, от которых он идет. «История села Горюхина» продолжалась в творчестве Щедрина.

Пушкинская проза дала много ответвлений: от «Станционного смотрителя» — через «Шинель» Гоголя к «Бедным людям» Достоевского; с «Евгением Онегиным» и «Капитанской дочкой» связано творчество гениальнейшего русского реалиста Л. Н. Толстого. Эта реалистическая линия нашла свое завершение в творчестве Горького; он же положил начало новой литературы, литературы социалистического реализма.

Подлинными наследниками, прямыми продолжателями классической литературы реализма являются писатели социалистической страны. Путь нашей литературы гениально определен товарищем Сталиным как путь социалистического реализма. Правдивое и глубокое изображение типических характеров и типических обстоятельств, могучих страстей, глубоких мыслей и чувствований — таков путь нашей литературы, и этот путь был блистательно начат основоположником великой русской литературы А. С. Пушкиным, продолжателями которого являемся мы, люди нового мира, иных страстей и чувств.

А. ДЫМШИЦ

«Наследие Пушкина и коммунизм»

Столетие гибели Пушкина, пушкинские дни 1937 года, превратившиеся во всенародный праздник советской культуры, проходят у нас в непосредственной хронологической близости к историческим дням обсуждения и утверждения великой сталинской Конституции, отразившей лучшие чаяния и мечты всего прогрессивного человечества, записавшей в своих чеканных, полновесных строках завоевания Великой Пролетарской Революции.

Сбылись осуществленные героическими усилиями народов нашей страны, направляемых гением партии Ленина—Сталина, многовековые мечтания лучших умов передового человечества о свободном от рабского ига, от эксплоатации человека человеком, счастливом, радостном и светлом будущем. «Золотые сны» мастеров культуры, лучших людей прошлого, отдавших все богатства своих умов и сердец трудовому народу, стали явью, превзошедшей размахом, глубиной и яркостью мечты и ожидания многих своих предвестников. В наше «сегодня», в наше «завтра» влились помыслы и дела гениев человеческой культуры, людей, чьи творческие ценности, обращенные к народу, сделались его вечным и неот'емлемым достоянием. В них поэтому влиты и реализуются мечты и помыслы величайшего гения русского народного искусства — Пушкина.

Пушкин погиб сто лет тому назад в неравном поединке с дворянской, помещичьей и самодержавной Россией. Но его искусство осталось жить живою жизнью. Пушкин стал «спутником» пролетариата, «спутником» революционного народа в его борьбе и победах. А сейчас, в наши великие дни, он достигнув небывалой и подлинной всенародности, становится любимым и желанным гостем на веселом празднике социалистической работы, создающей новые человеческие отношения, новую, коммунистическую психологию людей, новое, большое, народное искусство социализма

Именно таким почувствовали и показали Пушкина В. Маяковский в «Юбилейном» и Э. Багрицкий в стихах о нем.

Между Пушкиным и людьми коммунистического строя чувств и мыслей крепкие связующие нити. Они в пафосе жизнеутверждения, в бодром материалистическом оптимизме, в ясном диалектическом разуме, в ненависти к эксплоататорам, в действенном гуманизме, в любви к своему народу, в страстной преданности своим революционным идеалам,— во всех этих специфических чертах пушкинского мировоззрения и пушкинского творчества, родных и близких передовым людям нашей страны.

Тема «Пушкин и коммунизм» — важнейшая тема, ибо верное ее разрешение даст возможность правильно определить основы мировоззрения величайшего русского художника слова, откроет дорогу к широкому, глубинному познанию Пушкина, покажет, чем близок и дорог Пушкин многомиллионной армии советских людей.

Поэтому выход книги В. Кирпотина, написанной именно на эту тему, нельзя не расценить как значительное в общекультурном и более узком — историко-литературном — смысле событие. Тов. Кирпотин написал нужную и в основном бесспорную книгу. Прежде всего нужно сказать, что книга эта проникнута подлинной и страстной любовью к Пушкину. Все свидетельствует о том, что автор любит Пушкина той большой и горячей любовью, которой могут любить поэта в нашей стране и в наше время.

Книга Кирпотина выгодно отличается смелостью и широтой обобщений от тех, к сожалению, до последнего времени все еще многочисленных (хотя и идущих на убыль) крохоборческих и схоластических «пушкинологических штудий», которые у ряда кадровых пушкинистов заслоняли большие проблемы, возникающие при изучении пушкинского творчества.

Автор смело подошел к основным мировоззренческим проблемам пушкинского творчества и сумел сказать много нового и много верного как в характеристике системы пушкинских взглядов на современную поэту действительность, на русский исторический процесс, на отношение искусства и общества и т. п., так и в частных наблюдениях над отдельными пушкинскими произведениями и замыслами. Наконец несомненной заслугой Кирпотина, обеспечивающей его книге большой читательский успех, является ее язык: простой, чистый, точный — такой, каким и должно писать о Пушкине для его большого, миллионного читателя.

Но вместе с тем книга Кирпотина, во многом сама полемически заостренная, в ряде своих положений явно вызывает на полемику. Кирпотин, правильно критикующий в своей книге вульгаризаторские потуги «социологистов», считавших Пушкина выразителем помещичье-дворянского своекорыстия, сервилистом и «приспособленцем» или «сводивших» его значение до выражения идей одной из «прослоек обуржуазивающегося дворянства», сам иногда начинает отходить от необходимой исторической конкретности и попадает во власть «социологических парадоксов».

Наиболее спорной и явно, на наш взгляд, свидетельствующей о рецидиве антиисторического социологизирования является попытка Кирпотина провести аналогию между Пушкиным и Львом Толстым: «Классовый смысл эволюции творчества Пушкина, — пишет он, — необходимо искать не по линии от дворянства к буржуазии или от дворянства к мещанству, а по линии от дворянства к крестьянству, по типу эволюции Льва Толстого» (стр. 249). Мировоззренческое развитие Пушкина шло таким образом, по мысли Кирпотина, путем, аналогическим тому, каким в иных исторических условиях прошел Л. Н. Толстой. И не прервись трагически жизнь Пушкина, великий поэт пришел бы к перелому, подобному тому, который пережил в 60—70-х годах Лев Толстой.

С этим утверждением Кирпотина решительно нельзя согласиться. Тип толстовской эволюции не был и не мог быть по душе Пушкину. И если бы Кирпотин полнее и четче представил в своей работе связь Пушкина с русским революционным движением, если бы он сумел вскрыть последовательность революционных убеждений Пушкина и нарисовать перед читателем жизненно и исторически полный и до конца правдивый образ поэта-борца, то аналогия с Львом Толстым отпала бы у него естественным образом. Между тем Кирпотину весьма часто не удается это сделать с должной полнотой, а иногда не удается и вовсе.

В его книге все еще живы отголоски ошибочной теории о крутом переломе политических взглядов Пушкина после 14 декабря 1825 года. «В его политических убеждениях произошел ряд изменений, — пишет Кирпотин. — До декабрьского восстания — пусть ради ограниченных целей — призывал к мятежу, к применению силы против правительства. Теперь он страшится народных волнений...»

И хотя далее он и оговаривается, что с «додекабрьскими настроениями Пушкин вовсе не разделался так окончательно, как это многие рисуют», тем не менее Кирпотин все же не приходит к ясному пониманию того, что Пушкин до конца дней своих остался нераскаявшимся и неславшимся декабристом, что Пушкин не разоружился, а лишь занялся пересмотром тактики революционеров-декабристов, потерпевшей поражение 14 декабря.

В связи с этим стоит неоднократно повторяемое Кирпотиным утверждение, что Пушкин не был борцом, что его поэзия «лишена пафоса борьбы» (стр. 303). Сказать так о Пушкине — значит заблуждаться весьма и весьма серьезно. Пушкин мыслил литературу как дело национальное, а дело национальное было для него освободительным, революционным. Для него заветом на всю жизнь остались его собственные слова: «Только революционная голова, подобная [М. Ф. Орлову] и Пестелю, может любить Россию — так, как писатель только может любить ее язык. Все должно творить в этой России и в этом русском языке».

Чтобы сблизить Пушкина и Толстого, чтобы изобразить его путь, как путь «кающегося дворянина» к крестьянским позициям, Кирпотин вынужденно грешит против истины, преуменьшая значение активно-революционных элементов в сознании Пушкина. Но история, взятая во всей ее конкретности, должна опрокинуть «социологические парадоксы». Она должна показать, что Лев Толстой, не бывший революционером и не понявший революции, сделался ее зеркалом благодаря ее собственной силе, тогда как Пушкин, живший много ранее, при зарождении русского революционного движения, был революционером и соратником первых революционеров. Лев Толстой и до перелома и после тяготел к реакционному утопизму, сменив одну утопию другой.

Пушкин утопистом никогда не был, и взгляд его на будущее был трезвым, обретавшим все большую и большую силу революционных убеждений. Он шел вослед Радищеву и вместе с декабристами. Его поэзия вместе и наравне с политическими призывами декабризма пробудила к революционной борьбе Герцена, и Огарева, и многие поколения русских революционеров. Она стала «вольной», «потаенной» поэзией. Даже реализм Пушкина-художника, во многом близкий толстовскому, все же отличался от него своей бестенденциозностью. Толстой же часто бывал тенденциозен.

Сопоставление «Сказок» Пушкина и «Народных рассказов» Толстого, крестьянских типов у Пушкина и Толстого — тому ярчайшее свидетельство. Все это говорится не в «осуждение» Толстого и не для того, чтобы снять правомерный вопрос о влиянии Пушкина на Толстого, а лишь для того, чтобы устранить неверное утверждение о «толстовском типе эволюции» у Пушкина.

Покойный А. В. Луначарский, которого Кирпотин правильно упрекает за излишнее социологизирование Пушкина, все же был ближе к истине, когда писал между прочим — и на этот раз исходя из конкретного исторического развития русского революционного движения и творчества Пушкина, что «может быть, мы увидели бы дальнейшую дружбу Пушкина с Белинским; может быть, мы увидели бы Пушкина на путях герценовских». Герценовские пути, а не толстовские, пути борьбы, а не смирения и покаяния открывались перед Пушкиным.

«Парадокс» о Пушкине и Толстом попортил главы книги Кирпотина о социальном смысле конфликта Пушкина с действительностью, его отголоски дали себя знать и в других разделах книги. В этом существеннейший и главный недостаток его работы.

Работа Кирпотина интересна и значительна. Положительное ее значение бесспорно, а ошибки поправимы. Книга «Наследие Пушкина и коммунизм» несомненно потребует переизданий, при которых автору следовало бы устранить ее недостатки.

Статьей тов. Дымшица редакция «Литературной газеты» начинает обсуждение книги тов. Кирпотина «Наследие Пушкина и коммунизм», имеющей важное значение в изучении пушкинского наследства; редакция приглашает писателей, критиков, литературоведов и читателей принять участие в этом обсуждении.

О. ВОЙТИНСКАЯ

ПУШКИН и ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

«Характер Пушкина, — писал Чернышевский, — лучше и полнее всего выразился в его произведениях, — эта удивительная многосторонность ума и сердца, которая дает право сказать о нем, как Баратынский сказал о Гете:

Ничто не оставлено им
Под солнцем живым без привета,
На все отозвался он сердцем своим,
Что просит у сердца ответа».

Принято думать, что Чернышевский не понял значения Пушкина.

Десятки лет творилась легенда об «антиэстетичности» Чернышевского.

Революционное значение Чернышевского в истории развития эстетической мысли и доныне не оценено нашими литературоведами.

Николай Гаврилович Чернышевский вошел в историю русской литературы как создатель революционно-демократической эстетики. Он продолжил дело Белинского. Несмотря на это, до сих пор принято противопоставлять взгляды Чернышевского на искусство пушкинскому направлению в литературе.

Обычно говорится о влиянии французских и немецких просветителей на Чернышевского и Добролюбова. Это бесспорно Но почему-то игнорируется роль Пушкина В статье «Причинами, замедлившими ход нашей словесности», Пушкин писал.

«У нас еще нет ни словесности, ни книг. Все наши знания, все наши понятия с младенчества почерпнули мы в книгах иностранных, мы привыкли мыслить на чужом языке (метафизического языка у нас вовсе не существует); просвещенье века требует предметов размышленья для пищи умов, которые уже не могут довольствоваться блестящими перлами воображения и гармонии, но ученость, политика и философия еще по-русски не из'яснялись».

Перед Пушкиным вставала задача поистине грандиозная. Он был не только первым гениальным русским поэтом, но и великим русским просветителем.

Всякая аналогия условна. Значение Пушкина в истории русского народа можно сравнить с историческим значением Лессинга.

Пушкин не писал философских трактатов, не издавал сочинений по эстетике.

Но без Пушкина не было бы русской философии и русской эстетики.

С появлением Пушкина кончается младенческий период культуры русского народа. Это прекрасно понимал Чернышевский.

В работе о Лессинге, в статьях о Пушкине, в «Очерках Гоголевского периода русской литературы» Чернышевский снова и снова возвращается к особой роли писателя в стране, где общественная мысль еще не развита, где народное творчество еще не выросло в национальное искусство.

Во второй статье о Пушкине Чернышевский пишет: «В истории русской образованности Пушкин занимает такое же место, как и в истории русской поэзии. Придут времена, когда его произведения останутся только памятником эпохи, в которую он жил; но когда придет это время, мы еще не знаем, а теперь мы можем только читать и перечитывать творенья великого поэта и, с признательностью думая о значении их для русской образованности, повторять вслед за ним: «Да здравствуют музы, да здравствует разум». И да будет бессмертна память людей, служивших музам и разуму, как служил Пушкин».

Пушкинской поэзии тесно в рамках общества, основанного на частной собственности.

«Ужасный век, ужасные сердца», говорит герцог в «Скупом рыцаре».

Замечательная лирика Пушкина бьет по миру мелких чувств и ничтожных мыслишек. Поэзия Пушкина боролась за свободу человеческой личности, за чувства сильные и глубокие.

Пушкин был вправе сказать, что к нему не зарастет народная тропа.. «Мудрено от'ять у Шекспира в его Отелло, Гамлете, Мера за меру и проч. — достоинства большой народности» писал Пушкин в статье о народности в литературе. Эти слога относятся и к самому Пушкину.

В стране, где каждая мысль была вынуждена оправдываться, появляется поэт гениальный, эхо вселенной,— по замечательному определению Белинского.

Пушкинское направление в литературе глубоко народно и демократично.

Известно, что Пушкин критиковал Байрона за то, что он «бросил односторонний взгляд на мир и природу человеческую, потом отвратился от них и погрузился в самого себя». (Пушкин, «О Байроне и его подражаниях»).

Какое дивное вдохновение подсказало Пушкину реплику, обращенную стариком цыганом к Алеко: «Ты для себя лишь хочешь воли». Из пушкинского реализма, из демократизма и народности пушкинского творчества на следующем историческом этапе родилась революционно-демократическая эстетика. Пушкинское направление в искусстве представлено не Дружининым, а Белинским и Чернышевским. В стране, где народ был неграмотен, Пушкин выступил как поэт народный, как борец за общедоступность искусства.

Всем своим творчеством он утверждал в искусстве величавость и красоту простоты. Вот почему его поэзия несравненно ближе народным массам, чем формалистические выверты иного поэта, ходящего в наших современниках.

Нет, не эстетствующие подняли знамя пушкинской поэзии. С именем Пушкина на устах они боролись против пушкинского направления в искусстве.

Белинский, Чернышевский, Добролюбов, — вот кто разгадал дух пушкинского творчества.

Чернышевский писал о Пушкине: «Он первый возвел у нас литературу в достоинство национального дела, между тем как прежде она была, по удачному заглавию одного из старинных журналов, «приятным и полезным препровождением времени для тесного кружка дилетантов». Он был первым поэтом, который стал в глазах всей русской публики на то высокое место, какое должен занимать в своей стране великий писатель.

Вся возможность дальнейшего развития русской литературы была приготовлена и отчасти еще приготовляется Пушкиным».

Чернышевский правильно определил роль пушкинского направления, влияние Пушкина на ход развития русской литературы.

Юбилей Пушкина проходит в дни, знаменательные в советской литературе.

Еще совсем недавно Бухарин уверял, что путь советской поэзии лежит к Пастернаку, что время Маяковского прошло.

Но кто наш современник? Пастернак, утверждающий в эпоху социалистической революции автономию поэзии от мира:

Мне все равно, чей разговор
Ловлю, плывущий ниоткуда, —

или Пушкин, мечтающий, в условиях царской России, что к нему не зарастет народная тропа?

Пушкин — честь нашей родины, Пушкин — просветитель и гениальный поэт встает живым в статьях Чернышевского.

Пушкин — не музейная реликвия

И кажется, что к некоторым нашим пушкинистам относятся укоризненные слова Чернышевского:

«Вместо цельных трудов давались отрывки черновых работ со всеми мелочными сличениями букв и стихов, среди которых или тонула или принимала несвойственные размеры всякая общая мысль.

Одним словом, вместо исследований о замечательных явлениях литературы представлялись публике отрывочные изыскания о маловажных фактах».

Пушкин вошел в историю мировой культуры как гениальный поэт, сделавший шаг вперед в художественном развитии человечества. Всем своим творчеством он разрушил каноны идеалистической эстетики.

Всем своим творчеством Пушкин утверждал, что область искусства шире области красоты.

Он, чья поэзия до сих пор является замечательным образцом совершенства, он, чья поэзия доставляет нам неиз'яснимое эстетическое наслаждение, со смелостью гения сделал жизнь будничную и обычную об'ектом искусства.

Поэзия Пушкина прекрасна и величава. Но ведь эти жемчужины поэзии, эти дивные вдохновенные страницы родились в изображении жизни прозаической.

Пушкин призывает рисовать «грубость откровенности народных страстей», он требует учиться «наречию, понятному народу».

После появления Шекспира, после появления Пушкина Чернышевский мог писать:

«Область искусства не ограничивается областью прекрасного в эстетическом смысле слова».

Пушкинское направление в литературе привело к возможности появления революционно-демократической эстетики.

Это надо понять. Иначе история развития русской культуры будет искажена. Через сто лет после смерти Пушкина мы можем увидеть в Пушкине то, чего не видел Чернышевский.

Чернышевскому казалось, что время Пушкина, время «прекрасной художественной формы» уже прошло.

Социалистическому человеку особенно дорога поэтическая простота изумительных произведений Пушкина.

И вместе с Чернышевским мы говорим: «Ведь если слово писателя одушевлено идеею правды, стремлением к благотворному действию на умственную жизнь общества, это слово заключает в себе семена жизни, оно никогда не будет мертво...».

Всесоюзная юбилейная пушкинская выставка в Государственном Историческом музее (Москва). На снимке: бюст А. С. Пушкина (юношеские годы) работы скульптора В. Ф. Штейн. Фото Грибовского (Союзфото).

Обзор печати

ЮБИЛЕЙНЫЕ НОМЕРА ЖУРНАЛОВ

К пушкинским дням успели выпустить специальные номера из тонких журналов «Советское студенчество», «Юный пролетарий», «Молодой колхозник», «Огонек» и «Литературное обозрение», а из толстых — только «Литературный критик».

Все эти журналы производят выгодное впечатление как своим нарядным оформлением, так и своим содержанием. В некоторых из них воспроизводится замечательная статья Максима Горького «О Пушкине», статья, в которой великий пролетарский писатель еще в 1907 году сумел дать убедительную характеристику Пушкина, как поэта народного в самом широком смысле этого слова. Очень жаль, что не поместил статью Горького и журнал «Советское студенчество»: журнал от этого только выиграл бы.

Нужно все же отметить любовь и вкус, с которыми составлен пушкинский номер «Советского студенчества». К участию в нем привлечены крупнейшие пушкинисты и критики, давшие ряд очерков и статей о разных этапах жизни и творчества создателя русской литературы

Умело составлены и пушкинские номера журналов «Юный пролетарий» и «Молодой колхозник». Оригинальные очерки, статьи и рассказы для этих номеров дали В. Вересаев, В. Шкловский, Н. Тихонов, академик Державин, профессор Ю. Соколов, Б. Казанский, Б. Мейлах, И. Розанов и др. В обоих журналах помещены отрывки из романа Ю Тынянова «Пушкин».

Как и «Советское студенчество», журналы «Молодой колхозник» и «Юный пролетарий» хорошо оформлены репродукциями с картин и рисунков Брюллова, Кустодиева, Крамского, Добужинского, Билибина и др Кроме того «Молодой колхозник» дал приложение на отдельном листе — стихи Пушкина с фотоматериалами Менюшко и Гущина.

По иному принципу составлены, конечно, юбилейные номера «Литературного обозрения» и «Литературного критика». В первом журнале весь материал дан в плане конкретной критики отдельных произведений Пушкина: тут помещены статьи: Александрова — «Евгений Онегин», Фридляндера — «Медный всадник», Македонова — «Полтава», Сергиевского — «Лирические стихи», Зелинского — «Цыганы» и т. д. По этому же принципу будет построен, как анонсирует редакция, и следующий номер «Литературного обозрения», посвященный прозе и драматургии Пушкина

Несомненным событием в литературе, появившейся к пушкинским дням, является юбилейный номер «Литературного критика». Статьи, помещенные в этом номере, в большинстве случаев отличаются высоким теоретическим уровнем и, что особенно ценно, не представляют собой некоего «парламента мнений»: в них единство идейных установок в оценке исторической роли Пушкина и в разрешении ряда проблем, связанных с творчеством величайшего гения русской литературы. Особенно следует выделить в отчетном номере «Литературного критика» обстоятельные работы: Македонова — «Гуманизм Пушкина», Ю. Соколова — «Пушкин и народное творчество» и Александрова — «Пугачев» (народность и реализм Пушкина). Любопытный материал содержит статья В. Тренина «Как чествовали Пушкина в царской России». В статье «Заметки читателя» Е. Тарле приводит примеры возмутительной расправы пушкиниста Б. Томашевского с Пушкиным в однотомнике, выпущенном под редакцией В. Томашевского в 1936 году. Об этом уже писал в свое время в «Правде» т. А. Гурштейн (16 декабря 1936 г.).

Факты, сообщаемые в «Заметках читателя», вполне законно подсказывают автору этой статьи следующие слова:

«Пора перестать обманывать миллионы и миллионы впервые берущихся за Пушкина современных читателей, подсовывая им Пушкина, исправленного и «улучшенного» Бенкендорфом»

Разнообразный материал помещен в богато иллюстрированном номере «Огонька» (№ 1—3): статьи В. Вересаева «Жизнь А. С. Пушкина» и В. Кирпотина «Наследие Пушкина», рассказ И Новикова «Пушкин в южных степях», рассказ М Марич «Послание в Сибирь», статья Ениколопова «Пушкин и Грузия», Казимирского «Дневник П Долгорукова» и др. Хорошо документирована статья Николаева «Народная тропа», в которой показывается степень участия народных масс в пушкинских юбилеях до революции и теперь.

Кроме перечисленных выше материалов, в «Огоньке» помещены посвященные памяти Пушкина стихи абхазского поэта Л. Квициния и тюркского поэта Самед Вургуна (в переводах Шевелевой и Адалис) и переводы пушкинских стихов на украинском и грузинском языках. Удачно сделаны подборки из старых русских журналов на темы, связанные с жизнью и творчеством Пушкина

Следует отметить пушкинский номер «Курортной газеты» (орган сочинского горкома ВКП(б) горсовета и горсовпрофа). Номер содержит 12 страниц. Виднейшее место в нем занимают высказывания читателей об их отношении к творчеству Пушкина. Среди высказывающихся имеются врачи, экономисты, студенты, шофер, кузнец, педагог, швейцар, стахановец золотоплатиновой промышленности и др. В газете помещены лучшие образцы пушкинской лирики и эпиграмм.

Я. Р.

Новые материалы о Пушкине

ЮБИЛЕЙНЫЙ НОМЕР ЖУРНАЛА «КРАСНЫЙ АРХИВ»

Выходящий на-днях пушкинский номер журнала «Красный архив» содержит ряд чрезвычайно интересных материалов о Пушкине.

Впервые будут опубликованы автографы лицейских стихотворений великого русского поэта из архива князя А. М. Горчакова — «К Лицинию», «К Батюшкову», «К молодой вдове», «К Наталье». Комментарии к автографам написаны проф. М. А. Цявловским.

Сравнительное изучение известных текстов Пушкина приводит М. А. Цявловского к заключению, что автограф «Послание к Наталье», датированного 1815 годом, наряду с найденными в архиве Горчакова отрывками поэмы «Монах», являются самыми ранними из известных до сих пор произведений Пушкина.

Впервые публикуется автограф стихотворения Пушкина «Деревня», хранившийся в Остафьевском архиве П. А. Вяземских. Первоначальная редакция 59-го стиха звучала так:

И рабство падшее и падшего царя.

Вяземский, просматривая и исправляя список, изменил этот стих, согласно официальной редакции:

И рабство падшее по манию царя.

Значительный интерес представляет публикация лицейских лекций, записанных товарищем поэта по Царскосельскому лицею, «баловнем судьбы», как его называл поэт, будущим канцлером и министром иностранных дел А. М. Горчаковым.

Лекции «Энциклопедия прав» и «Изображение системы политических наук», читанные профессором лицея А. Ю. Куницыным, и лекции «Ораторская изящная проза», которые читал преподаватель лицея Георгиевский, вводят нас в ту идейную атмосферу, под влиянием которой формировалось сознание Пушкина-лицеиста. Документы и материалы, обнаруженные за последнее время, и в частности лекции Куницына, дают основание утверждать, что лицей являлся рассадником оппозиционных царскому правительству идей

Ф. Булгарин доносил в III отделение о «лицейском духе».

«Верноподданный—сокрушенно писал Булгарин,—значит укоризну на их языке, европеец, либерал,—почетные названия»

Лекции Куницына—последователя идей Руссо воспитанника Гейдельберга и Геттингена, оказали, несомненно, большое влияние на формирование политических идей и настроений Пушкина

Идеи Куницына о «естественном законе как основе государственного порядка» нашли свое отражение в известной пушкинской оде «Вольность»:

Владыки! Вам венец и трон
Дает закон, а не природа,
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас закон.

Самый учебник Куницына «Естественное право» николаевское правительство признало «крамольным» и уничтожило.

Несомненный интерес представляет также запись лекций Георгиевского «Ораторская изящная проза» Георгиевский критиковал «притворный тон» французского классицизма и утверждал необходимость простоты и народности в поэзии.

Публикацию сопровождает статья литературоведа Б. Мейлаха.

«Красный архив» печатает далее неизданную статью В. Брюсова «Молодость Пушкина». Статья эта, написанная, видимо, в 1924 году, Брюсовым не закончена.

Царская цензура, свирепо преследовавшая Пушкина при жизни, не покидала своих «забот» о нем и после его смерти. Особенно строго следила она за массовыми библиотеками —школьными и народными. Этой теме посвящена публикация «Пушкин и царская цензура», подготовленная к печати Л Полянской. В конце девятнадцатого века царским правительством была создана «педагогическая цензура» — Особый отдел ученого комитета министерства народного просвещения, который превзошел своим усердием даже николаевских сатрапов. В массовые библиотеки был запрещен доступ таким сочинениям Пушкина, как «Руслан и Людмила», «Граф Нулин», «Бахчисарайский фонтан», «Каменный гость» и другие.

Найденные в Центральном военно-историческом архиве документы о чрезвычайно широком распространении свободолюбивых пушкинских произведений, в частности оды «Вольность», в царской армии приведены в публикации «Ода «Вольность» в войсках царской армии».

Начальник военных поселений генерал Дибич организовал массовые обыски для обнаружения запрещенных стихов Пушкина у заподозренных офицеров и солдат.

Полицеймейстер Старой Руссы майор Малжоев рапортует начальнику штаба военных поселений Клейнмихелю:

«Узнав от штаб-лекаря Киевского гренадерского полка, что сочинения А. Пушкина «Ода на вольность» ходит между офицерами того полка, я поручил отыскать оное брату моему полковому ад'ютанту означенного полка поручику Малжоеву, который и доставил мне оное, получив сам от прапорщика Гринькова; откуда же достал его прапорщик Гриньков — ни мне, ни брату моему неизвестно».

Юбилейный номер журнала заканчивается публикацией новых материалов о дуэли и смерти А. С. Пушкина. Черновик показаний П. А. Вяземского по поводу дуэли Пушкина и Дантеса, данных им специальной комиссии военного суда, созданного по распоряжению Николая I, публикуемый Н. Ф. Бельчиковым, опровергает официальное заявление Вяземского сулу о том, что он не знал о всей этой «печальной памяти» истории.

О. ДИМИН

★

ПУШКИНСКИЙ ФОНД ИНСТИТУТА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Недавно образовавшийся пушкинский фонд Института мировой литературы им Горького состоит из ряда интересных документов.

Среди них особую ценность представляют автографы самого великого поэта. В г. Дмитрове институтом приобретено письмо Пушкина к С. Л., Н. О. и О. С. Пушкиным, в котором он пишет о своей предстоящей свадьбе

Письмо не датировано, но по всем данным относится к 1830 г Это единственное сохранившееся письмо Александра Сергеевича к родителям Альбом Васильчиковых, в котором оно находилось, считался погибшим и письмо печаталось по копии, снятой П. Бертеневым

Второй автограф Пушкина (стихотворение «Нет, не черкешенка она..») приобретен в Москве у библиофила Щелкунова, купившего его в начале революции у Валерия Брюсова. Сам же Брюсов получил его вероятно, от П Бартенева, когда работал в редакции «Русского архива». Известно, что Бартенев иногда вместо денег платил молодому Брюсову автографами

Стихотворение в рукописи не датировано, но сам Пушкин, публикуя его в 1829 г., поставил под ним 1826 год.

Из других документов, приобретенных институтом надо отметить письмо к Пушкину шефа жандармов Бенкендорфа от 15 апреля 1836 г. Письмо это получено из архива В. Брюсова Оно лишний раз характеризует тяжелые условия, в которых Пушкину приходилось вести издание журнала «Современник» Бенкендорф выражает недовольство тем, что помещена статья корнета Казы-Гирея, и предлагает в будущем не печатать без его разрешения статей гвардейских офицеров.

После казни декабриста Рылеева Пушкин счел своим долгом вернуть его жене аванс, полученный за произведения, предназначенные для альманаха, задуманного Рылеевым. В институте имеется расписка вдовы декабриста в получении обратно этого аванса.

В институте хранятся письма Керн и Ролзянко к Пушкину, а также письмо Мартоса (13 ноября 1836 г.) с пометкой Александра Сергеевича. Среди других материалов связанных с Пушкиным, имеющихся в институте, отметим письмо какого-то реакционера, скрывшегося под псевдонимом «Оборотень», по поводу юбилея 1899 г. Он протестует против чествования «самоубийцы» Пушкина «Кто сей Пушкин? Для ложных христиан премудрый сын века сего... для истинных христиан сын погибельный».

Жилет А. Пушкина, простреленный на дуэли.

Чернильница (подарок Нащокина) в кабинете поэта

Ларец, в котором поэт хранил свои рукописи.

(Музей-квартира А. С. Пушкина в Ленинграде)

Э. ВИЛЬСОН
Американский критик

«Евгений Онегин»

Все, читающие критические статьи о своей родной литературе, написанные даже весьма сведущими иностранными критиками, знают, как часто встречаются в них ошибки или общие, ничего не говорящие, места. Для автора этой статьи, впервые пишущего о русской литературе, опасность особенно велика И русские читатели, которые познакомятся с моей работой, найдут в ней, вероятно, немало недостатков. Но Пушкин, столетнюю годовщину со дня смерти которого торжественно отмечают в феврале этого года, все еще недостаточно оценен в странах, где английский язык является господствующим, и поэтому, надеюсь, мне простят может быть и не вполне удачную попытку раскрыть читателям, говорящим по-английски, все значение великого поэта.

«Евгений Онегин», сыгравший такую огромную роль в русской литературе, несомненно принадлежит к поэтическим образам, имеющим значение за национальными пределами, характерным для целой эпохи западного общества. Гамлет, созданный английской литературой, был так же близок и понятен ряду поколений русских читателей, как любой тип, созданный русской литературой. Воспримем же и мы Евгения Онегина как художественный образ, близкий и понятный нам.

Западным читателям всегда было трудно постичь все величие Пушкина, за исключением, может быть, немцев, которым удалось наиболее адэкватно перевести его. Мы раньше недооценивали Пушкина. Колридж только знал о его существовании, Карлейль три года спустя после смерти Пушкина (когда еще жив был Лермонтов) называл Россию «немой»; Тургенев тщетно пытался заставить Флобера признать величие Пушкина, и даже Ренан, после смерти Тургенева, заявил, что в нем Россия наконец обрела свой голос, — настолько несведущ он был в русской литературе; Мэтью Арнольд в статье о Толстом снисходительно заметил, что «венцом литературы является поэзия», а у русских еще не было великого поэта. Еще и теперь мы склонны задавать вопрос: если Пушкин, действительно так велик, как это думают русские, почему он не занимает в мировой литературе такого места, как Данте и Гете, как Толстой и Достоевский.

Истина заключается в том, что Пушкин уже вошел в мировую литературу, проник в нее при посредстве русского романа. В отличие от большинства поэтов его эпохи, он обладал истинно драматическим воображением, и его влияние распространилось на всю русскую художественную литературу, на русский театр и оперу Когда иностранец впервые читает Пушкина после того, как он прочел позднейших русских писателей, у него создается такое же впечатление, как при первом чтении Вольтера после знакомства с последующей французской литературой: он как бы ощущает самую сущность того, что раньше он встречал лишь в соединении с другими элементами; впервые познает он лик того, чей дух он чувствовал уже, чей дух уже знаком ему

Правда, поэтические произведения Пушкина чрезвычайно трудно поддаются переводу. Пушкина трудно переводить по тем же причинам, по которым трудно переводить Данте. Он выражает так много в немногих словах, говорит так ясно и сжато, что и самые слова, и место, занимаемое ими в стихотворной строке, приобретают гораздо большее значение, чем у писателей более легких и многословных. Переводчик сам должен быть первоклассным поэтом, чтобы в переводах Пушкина передать присущее ему своеобразное сочетание силы, сжатости, прелести и легкости.

Такой поэт, как Пушкин, в переводе вполне может звучать «обыденно», как это показалось Флоберу, читавшему Пушкина во французском переводе, как обыденно звучит Данте в переводе Кэри. Кроме того, русский язык, чрезвычайно гибкий и могущий обходиться без местоимений и предлогов во многих случаях, когда мы пользуемся ими, совершенно не употребляющий члена, дает возможность Пушкину так строить свою фразу, так сжимать ее, что переводить его труднее, чем кого бы то ни было из современных поэтов, почти так же трудно, как отличающихся крайне сжатым языком латинских поэтов, вроде Горация. Такой поэт в переводе может казаться банальным, как банальными кажутся многие переводы Горация, так как вескость слов и сила их сочетаний теряются вместе с изменением грамматики и синтаксиса.

Таким образом, потерпев полную неудачу при переводах, мы, когда думали о Пушкине, склонны были представлять себе его как некоего последователя Байрона; мы слыхали, что «Евгений Онегин» — это подражание «Дон-Жуану» Но это сравнение может ввести в большое заблуждение Пушкин — великий художник; влияние на него оказывал не только Байрон, но и Андрэ Шенье. «Дон-Жуан» — поэма расплывчатая и невыдержанная, местами блестящая, местами пустая; в ней есть исключительная прелесть, но это прелесть импровизации.

Искусство Пушкина совершенно иное. Пушкин, несомненно, научился кое-чему у Байрона; например, он воспринял у него тот легкий, небрежный тон, которым начинается «Евгений Онегин», и частые личные отступления и излияния; но у Пушкина оба эти новые приемы служат и способствуют общему замыслу. «Евгений Онегин», в противоположность «Дон-Жуану», произведение не разбросанное, концентрированное. Пушкинский «роман в стихах» явился результатом глубокого самопознания Пушкина. Пушкин писал сжатым языком и выбрал сложную форму поэтических строф, совершенно непохожих на неправильные, вольные стихи Байрона; и он работал над своей поэмой много лет, вплоть до самой смерти, при каждом новом издании пересматривал и изменял ее.

Небывалое достижение Пушкина в том, что он написал роман в стихах, роман современных ему нравов, который является в то же время великой поэмой. Поэма Пушкина — классическая даже по ее тону — комедийному и в то же время более серьезному, чем трагедии Байрона, по ее ясному и сконцентрированному отражению всей сложности человеческих взаимоотношений.

«Евгений Онегин» имеет отношение к байронизму не потому, что он будто бы заимствован у Байрона, а потому, что помимо всего другого он является об'ективным критическим исследованием байронизма. И в «Евгении Онегине» и в одном из писем, написанном Пушкиным в период, когда он работал над этой поэмой, есть ряд многозначительных критических замечаний о Байроне.

Пушкин отошел от своего раннего романтического лиризма и приблизился к шекспировской драматизации жизни Близкие ему течения и настроения эпохи он воплотил в об'ективных художественных образах, показал их в драматическом конфликте. Евгений Онегин изображен совершенно иначе, чем романтические герои Байрона, Шатобриана, Мюссе; когда Байрон отказался от позы Чайльд-Гарольда, лучшее, что он мог сделать с Дон-Жуаном, это наделить его наивностью Кандида.

Евгений Онегин отличается даже от своего непосредственного преемника —родственного ему по духу «Героя нашего времени» Лермонтова, ибо Лермонтов, хотя повесть его и написана с характерным русским реализмом и четкостью, несвойственными другим романтическим писателям, сам сильно увлечен характером своего героя. Тогда как Пушкин, показывая нам Евгения Онегина, не превозносит его в неестественной романтической напыщенности и, изображая его слабость, не ставит его выше условной морали. В эпоху Пушкина был только один художественный образ, который можно сравнить с Евгением Онегиным, а именно — Жюльен Сорель Стендаля. И «Евгения Онегина» следует отнести не к произведениям романтического направления, а к произведениям такого рода, как «Красное и черное» и «Мадам Бовари».

Пушкин внес во взаимоотношения трех главных героев «Евгения Онегина» целый ряд сложных обстоятельств. С одной стороны, можно сказать, что они являются представителями трех интеллектуальных течений того времени: Онегин — это байронизм, мировая скорбь; Ленский с его Шиллером и Кантом — германский романтический идеализм; Татьяна — это человеческая природа Руссо, нашедшая воплощение в романтической поэзии, заговорившая новым языком и защищающая свои новые права. С другой стороны, они являются представителями различных направлений в самой России: и Онегин, и Ленский — оба полуиностранцы, проникнутые духом западной культуры, тогда как Татьяна, проведшая всю жизнь в старинном дворянском поместьи, олицетворяет для Пушкина истинную Россию.

Татьяна, подобно самому Пушкину, который говорил, что многим обязан сказкам своей старой няни, всегда любила рассказы старух и полна деревенских суеверий. После беседы ее в саду с Онегиным, накануне рокового бала, ей снится ужасный сон, подробно рассказанный в поэме. Подсознательное чутье Татьяны, соединенное с фантастикой народных сказок, дает ей возможность проникнуть в суть человеческих отношений и познать то, что еще скрыто от других: что-то неладное происходит с Онегиным, существует какая-то вражда между ним и Ленским; она видит во сне, как Онегин закалывает Ленского. Это — простая русская душа с ее глубоким пониманием скрытой жизненной действительности. У Пушкина символы всегда превосходно воплощены в живых лицах, символы у него никогда не приводят к искажению человеческой природы или к превращению ее в неинтересную абстракцию. «Евгений Онегин» приобрел такую популярность потому, что поколения молодых русских читателей воспринимали эту поэму как повесть о вечном конфликте между мужчиной, живущим умом, и женщиной, живущей инстинктом, как повесть, в которой все моральное преимущество на стороне женщины.

Но героев «Евгения Онегина» можно рассматривать еще и с другой точки зрения В конце поэмы Пушкин говорит о годах, прошедших с тех пор, как впервые явился ему «в смутном сне» Онегин, когда «даль свободного романа» он «сквозь магический кристалл еще неясно различал». «Магический кристалл» — это собственные душевные переживания поэта, своеобразно выраженные в поэме. Поэт, когда он говорит о себе, не так своеволен и себялюбив, как Байрон; его отступления, личные излияния, в противоположность Байрону и Стерну, всегда тесно связаны с темой романа, содействуют развитию ее; сначала они похожи на побочные вставки, в которых автор только подробно рассказывает о некоторых своих личных переживаниях, но в конце концов эти личные излияния сливаются с переживаниями одного из его героев, характеристика которого дополняется таким косвенным путем. В этот период Пушкин стремится отойти от своего раннего суб'ективного лиризма и приблизиться к искусству более об'ективному. После «Евгения Онегина» он писал очень много прозой.

И в «Евгении Онегине» мы почти воочию наблюдаем, как некоторые черты характера поэта, некоторые личные его настроения и переживания концентрируются в различных его героях. Пушкин, в конце концов, настолько воплотил себя в художественных произведениях, проникнутых драматизмом, как этого не сделал никто другой из его романтического поколения. Его ясность, его совершенная гармония, его любовное, гуманное отношение к людям в соединении с непоколебимым уважением к живой действительности свидетельствуют о более прекрасных душевных качествах, чем те, которыми обладал Стендаль.

И все же «Евгений Онегин», несмотря на всю его ясность, всю его об'ективность, может быть, не менее проникнут безнадежным отчаянием, чем произведения других романтиков, в которых столкновения враждебных сил изображены более бурно и страстно. Ибо в конце концов главная трагедия «Евгения Онегина» не в споре Онегина и не в смерти Ленского: главная трагедия в том, что Татьяна безвозвратно попадает во власть того пустого и тиранического общества, от которого пытается бежать Онегин, в котором она чувствовала и чувствует себя такой одинокой и чужой.

Пушкин сделал для русского языка то же самое, что Данте — для итальянского; он заложил основы русской художественной литературы. Противопоставив естественную человечность Татьяны общественному значению Онегина, он дал тему, которая получила развитие в истории всего русского искусства и русской мысли и придала этому искусству и этой мысли своеобразную силу. Татьяне, которой Пушкин предоставил решающее слово, действительно, суждено было восторжествовать.

Прижизненные издания А. С. Пушкина

В начале 19-го века, когда писательство еще не стало профессией, а было скорее забавой материально обеспеченных людей, когда немногочисленные журналы литературный материал почти не оплачивали, выпуск своих сочинений отдельными изданиями был главным видом авторского заработка.

Пушкин, имевший самый незначительный доход от своего небольшого имения и постоянно нуждавшийся в средствах, вынужден был строить свой бюджет на доходах от издания своих книг.

За семнадцать лет (1820—1837 г.) Пушкиным выпущено всего 35 отдельных книг, считая «Онегина», вышедшего в первом издании отдельными главами, за 7 книг (4 и 5 главы вышли в одной книжке). В 1827 году вышло пять книг Пушкина, и этот год является самым плодотворным годом его издательской деятельности. Годы 1821, 1823 и 1836 не дали русскому обществу ни одной пушкинской книги.

Обычным тиражем для пушкинских книг был так называемый «типографский завод», составлявший 1200 экземпляров, однако, некоторые книги, например, первая глава «Онегина» выпускалась сразу в двойном количестве — 2400 экз.

Много внимания и заботы Пушкин уделял делу внешнего оформления своих книг.

В его письмах к брату и Плетневу рассыпано не мало подробных указаний на выбор бумаги, шрифтов и типографских украшений.

В письме от 15 марта 1825 г. в этом по поводу издания первого сборника стихотворений пишет: «Виньетку бы не худо, даже можно, даже нужно, даже христа ради сделайте»... и далее дает целый ряд указаний о печатании «каждой пьесы на особом листочке, исправно, чисто, как последнее издание Жуковского» и главное, без всяких типографских линеек: «вся эта пестрота безобразна и напоминает Азию».

Для своих «Цыган» Пушкин сам выбирает в Московской типографии Августа Семена виньетку, изображающую кинжал и разорванные цепи: в тематике этого украшения, Бенкендорф усмотрел крамолу и создал целое дело, которое однако, за недоказательством было прекращено.

Интересовала Пушкина также проблема иллюстрации, в которой он видел не только украшение книги, но также углубление, дополнение и развитие авторского замысла. Черновые рукописи поэта буквально испещрены его острыми и выразительными рисунками, часто связанными с основной темой, часто с поэтическими отвлечениями от фабулы.

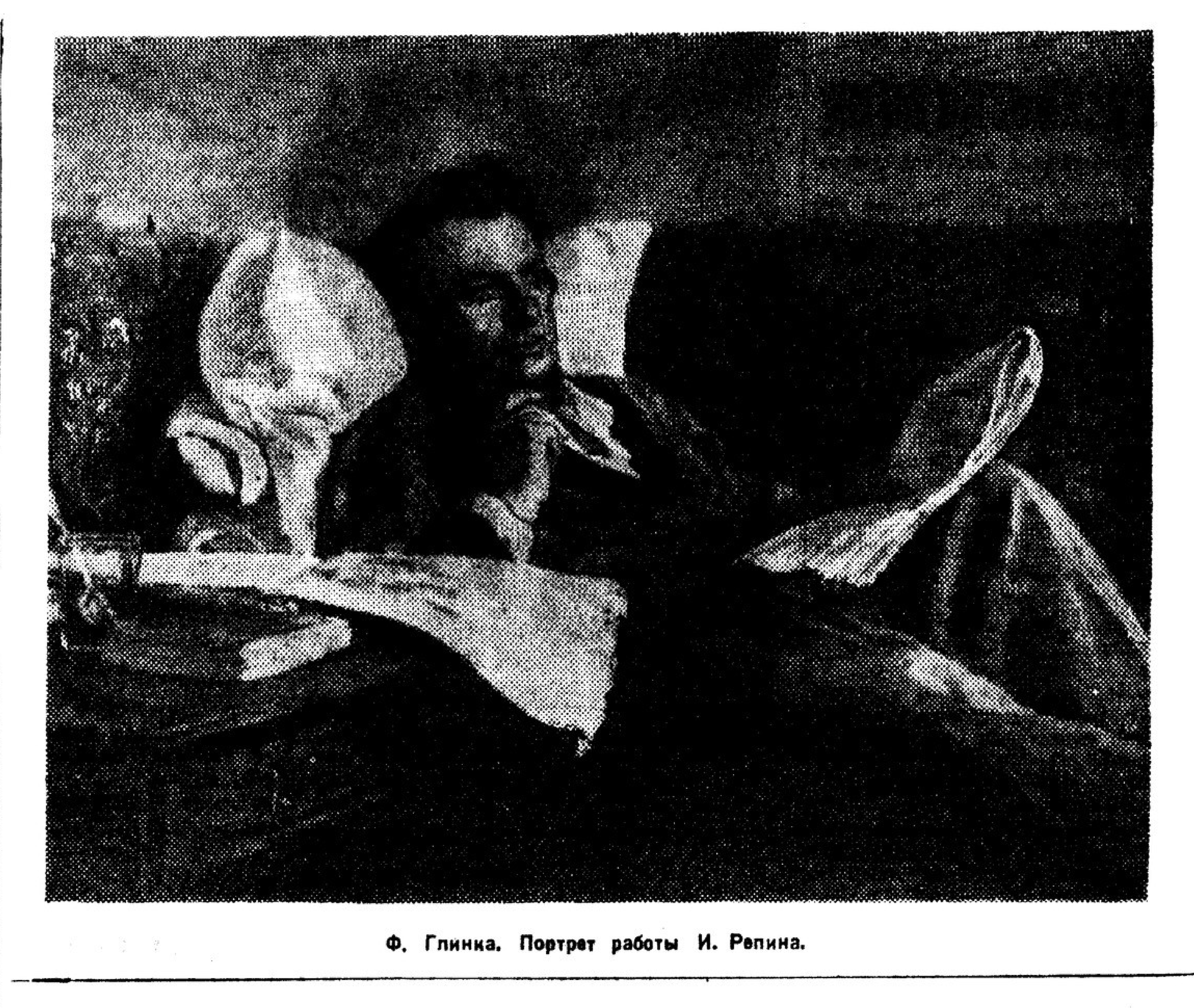
Средняя цена книги Пушкина была 10 руб. ассигнациями на любской бумаге и 12 р. — на веленевой, причем ассигнационный рубль в серебряном исчислении равнялся приблизительно 25 копейкам.

Книжки меньшего об'ема (отдельные главы «Онегина», «Цыганы» и др.) расценивались по 5 руб. ассигнациями, а брошюра «На взятие Варшавы», об'единившая всего три небольших стихотворения, стоила 2 руб.

На нашем антикварном книжном рынке прижизненные издания произведений Пушкина встречаются часто, что надо об'яснить бережным отношением поколений к этим пушкинским реликвиям. В настоящее время стоимость первого издания «Онегина» колеблется от 600 руб. до 1500 руб. в зависимости от степени сохранности, наличия обложек и переплетного оформления. Второе издание «Бахчисарайского фонтана» — от 300 р. до 500 р., третье издание «Онегина» от 150 до 500 руб., «Полтава» и «Годунов» — 200—300 р.

В конце прошлого года Книжной Лавкой Писателей «Онегин» в главах с 26 собственноручными поправками Пушкина, в том числе два карандашных рисунка, был продан Ленинской Библиотеке для экспозиции на Всесоюзной Выставке за 7.000 рублей.

Д. АЙЗЕНШТАТ.

М. И. Глинка. Портрет работы И. Репина.

Жена писателя

Движение жен-общественниц во всей Советской стране приобрело громадный размах и значение. Литературная среда имеет не меньше возможностей для проявления инициативы и изобретательности, нежели завод, фабрика или красноармейская часть. Должен быть решительно положен конец еще имеющемуся кое-где скептическому отношению к общественному движению жен писателей. Это движение, поднимая политический и культурный уровень, делает жен писателей полноценными участницами строительства социализма.

К сожалению, надо констатировать, что далеко еще не все жены писателей включились в активную общественную жизнь.

В трудной работе создания литературных произведений, достойных нашей прекрасной, великой родины, жены писателей могут и должны помочь своим мужьям. Но нельзя помогать, не зная, чему помогаешь.

Жене писателя необходимо выработать свой собственный, независимый от установки мужа, художественный вкус, свое собственное мироощущение. Поэтому жены писателей должны неустанно учиться, повышать свой политический и культурный уровень.

Совет жен писателей организовал ряд кружков и семинаров. Работает редакторский семинар, включающий занятия по истории партии, всеобщей истории, теории и истории литературы, работы над рукописью. Работают кружки стенографии и машинописи.

Организованы оборонные кружки, по подготовке на сдачу норм ГСО, ПВХО, ворошиловских стрелков и наездников.

Но, к сожалению, всей этой учебой охвачено очень мало женщин. Систематически занимаются всего только 57 человек.

Незачем скрывать, что иногда инертность женщин об'ясняется пренебрежительным отношением некоторых писателей к общественному движению жен.

Гражданский долг каждой женщины — бороться с такими настроениями мужей, а не итти у них на поводу.

Об'единение жен писателей имеет богатые возможности для работы в писательской среде. Помощь в работе Литфонда по вопросам материально-бытового обслуживания писателей, работа по обслуживанию детей писателей, помощь в работе ДСП должны быть основными об'ектами работы и внимания всех жен писателей. Кое-что в этом направлении уже проделано. Группа жен-общественниц принимает деятельное участие в детской работе ДСП. Значительно усилена воспитательная сторона работы, организованы для детей кружки литературный, рисования, шахматный, ритмики, парного танца и др. Не раз уже проводились смотры детской самодеятельности и выставки работ детей.

Одна из главных задач ближайшего времени — это создание детского комбината (ясли, детсад, клуб для школьников).

Об'единение жен писателей могло бы и должно помочь в работе ДСП в целом.

Здесь бегло перечислены только основные участки работы, но круг задач об'единения жен далеко не замкнут ими. Несомненно, это общественное движение, совершенно закономерно расширяясь, выдвинет новые и новые задачи.

Жены писателей могли бы быть плодотворно использованы для изучения читательских запросов и требований. Владея этим материалом, жены писателей могли бы немало помочь мужьям в их практической творческой работе.

Женам писателей и самим писателям необходимо всемерно стремиться к тому, чтобы в писательской среде не осталось ни одной женщины, не вовлеченной в общественную работу. Движение жен писателей должно быть достойно замечательного женского движения во всей нашей стране, ибо современная советская женщина, как бы ни была хороша и полна ее личная жизнь, не может быть вполне счастлива, если она не включилась в общую жизнь страны, если она не участвует наравне со всеми гражданами страны в строительстве социализма.

СОВЕТ ЖЕН МОСКОВСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

Юбилей Пушкина во Франции

Недавно состоялось торжественное заседание в Сорбонне под председательством министра народного просвещения, посвященное творчеству А. С. Пушкина. Заседание было организовано комитетом, в который вошли Поль Клодель, Жорж Дюамель, Андре Моруа и другие писатели. Поль Валери произнес речь, посвященную памяти Пушкина. В программу были включены чтение поэм Пушкина и исполнение музыкальных отрывков, связанных с его творчеством.

В Национальной библиотеке открывается пушкинская выставка. На выставке будут представлены оригиналы произведений Пушкина (из коллекции критика Э. Эро), французские переводы и автографы Пушкина, принадлежащие С. Лифару (Письма к невесте, рукопись «Путешествие в Арзрум»).

Зал Мортрей, где организуется выставка, будет украшен портретами, картинами, мебелью и различными предметами, которые должны дать представление о русской гостиной первой четверти XIX века.

В Национальном театре и в театре «Опера» в течение сезона будет дана серия пушкинских постановок.

«Золотой петушок» Римского-Корсакова уже был поставлен в декабре в театре Champs Elysées. В театре «Опера» в феврале будет возобновлена постановка «Бориса Годунова».

В Лионском университете Марсель Эрар, профессор русской литературы, начал в январе курс лекций о Пушкине. Вступительное слово произнес ректор Лионского университета Андре Жиронделъ. (Под его редакцией вышли произведения Пушкина в серии «Шедевры иностранной литературы»).

Редакция «Revue de litterature Comparée» (французский толстый журнал сравнительного литературоведения—выходит четыре раза в год) посвящает специальный номер — январь-март 1937 г. столетней годовщине со дня смерти Пушкина.

В номере напечатаны статьи: А. Мазон «Александр Пушкин (1799—1837)»; Э. Оман «Пушкин и заграница»; Ж. Гатузе «Пушкин и Мольер»; Э. Симонс «Английская литература и Пушкин» и мн. друг.

Кроме того в отделах: «Заметки и документы» и «Хроника» помещены обзор работ советских литературоведов о Пушкине за 20 лет — 1917—1937 гг. и обзор недавно опубликованных в СССР исследований о Пушкине.

В другой статье освещается подготовка к юбилею А. С. Пушкина в СССР.

В этом номере журнала помещен материал об истории возникновения статьи Мериме о Пушкине. Мериме в своем письме от 15 ноября 1867 г. редактору журнала «Монитер» писал: «Давно уже я пристаю к Сент Беву, чтобы он писал — это он умеет — статью о русском поэте Пушкине; я подготовил заметки к тем, чтобы он мог их использовать. Если он отказался от этой мысли, или забыл о ней, я попрошу сам привести в порядок эти заметки и высказать в «Монитере» то, что я думаю о большом поэте, имевшем несчастье писать на языке, на котором говорят 70 миллионов людей, а читать умеет из них только 70 тысяч». Так как Сент Бев, видимо, уклонился от предложения Мериме, последний прислал в редакцию «Монитера» большую статью, которая была напечатана в номерах от 20 и 27 января этого журнала за 1868 год.

«Каменный гость» в театре им. Мейерхольда

Память Пушкина гос. театр им. Вс. Мейерхольда почтил постановкой «Каменного гостя» в концертном исполнении. Для этой постановки Вс. Мейерхольд переработал свой радиоспектакль, выпущенный два года тому назад.

Мейерхольд 22 года тому назад назвал «Каменного гостя» «наиболее волшебной из всех его (Пушкина) маленьких драм». «Волшебство» «Каменного гостя» — это, конечно, его романтическая театральность, и она-то подчеркнута в постановке.

Зрительные впечатления почти отсутствуют. Элементы оформления, взятые из спектакля «Горе от ума», ассоциируются не со старой Испанией, а с пушкинской эпохой. Бюст Пушкина посередине сцены, бюсты Ленина и Сталина у порталов. Артисты-исполнители сидят за двумя столами; каждый встает при начале его сцены, по окончании выходит; гримов и сценических костюмов нет. Скупая мимика, почти полное отсутствие жеста. Таков строгий, торжественный стиль пушкинского вечера.

Постановка «Каменного гостя» — вся в слове и музыке. Передавая содержание пушкинского текста, театр раскрыл в нем подлинные чувства реальных людей, силою своею поднятые до романтического пафоса. Композитор В. Я. Шебалин проник в природу испанского мелоса; в его музыке, насыщенной танцовальной ритмикой, то сдержанная, то порывистая страстность сочетается с лирической мечтательностью.

Персонажи «Каменного гостя» возникали живые и впечатляющие, хотя артисты в условиях концертного исполнения могли воплощать их образы лишь в слове. Романтическая страсть, обуревающая Дон Хуана (М. Царев), темпераментность Донны Анны, прорывающаяся сквозь вдовье благочестие (Зинаида Райх), мягкий юмор боязливого Лепорелло (В. Зайчиков), елейность монаха (П. Старковский), сумрачность Дон Карлоса (Г. Мичурин), легкомыслие юной Лауры (Р. Бригиневич) прозвучали полноценно в их трактовке пушкинских стихов.

АЛ. НОВИКОВ

Наследие Эд. Багрицкого

(К третьей годовщине со дня смерти поэта).

Завтра исполняется три года со дня смерти одного из лучших поэтов Советского Союза — Эдуарда Багрицкого.

Вскоре после смерти поэта появился его однотомник, составленный еще при жизни самим автором.

Сейчас Гослитиздат подготовляет к печати двухтомное **собрание сочинений** Эд. Багрицкого под редакцией И. Беспалова и Л. Г. Багрицкой, со вступительной статьей И. Беспалова. В собрание сочинений вошли все лучшие вещи покойного поэта, начиная с его дореволюционных стихов и кончая последней неоконченной поэмой «Февраль».

В двухтомник входят не только поэтические произведения, но и публицистические статьи Эд. Багрицкого.

Издание иллюстрировано большим количеством рисунков самого поэта.

Собрание сочинений будет выпущено в 1937 году.

Новые пьесы для МХАТ СССР им. Горького

ПЬЕСА Л. ЛЕОНОВА.

Л. Леонов, автор пьес «Унтиловск» и «Скутаревский», написал для Московского Художественного театра СССР им. Горького новую пьесу.

Окончательное название ее еще не установлено.

Основной персонаж пьесы—старый садовод, директор совхоза Макавеев, семь сыновей которого работают на различных участках социалистической стройки.

Работа этих людей, их жизненный путь служат для писателя материалом, на фоне которого он изображает нашу эпоху, героику наших дней.

Автор читал пьесу коллективу МХАТ, прослушавшему ее с напряженным вниманием.

В ближайшем будущем Московский Художественный театр СССР им. Горького приступает к работе над пьесой Л. Леонова.

«ЗЕМЛЯ» Н. ВИРТА.

Автор романа «Одиночество», Н. Вирта написал пятиактную трагедию «Земля» — о борьбе середняцкого крестьянства с кулачеством.

Пьеса написана по мотивам «Одиночества». В пьесе сохранены — внешняя ситуация и главные персонажи романа.

«Земля» принята к постановке в МХАТ СССР им. Горького, в Центральном театре Красной армии и в двух театрах Ленинграда.

МХАТ, которому принадлежит право первой постановки, поставит пьесу Н. Вирта не позднее 1 января 1938 года.

Сегодня автор читает свою пьесу труппе Художественного театра.

16 февраля — читка пьесы автором и обсуждение ее в Секции драматургов ССП СССР.

Ленинградские журналы

ЛЕНИНГРАД. **(Наш корр.).** Вышел сигнальный экземпляр пушкинского номера «Литературный современник» —журнала, наиболее активно готовившегося к столетию со дня смерти Пушкина и напечатавшего в 1935—36 году ряд интересных материалов о великом русском поэте.

В юбилейном номере «Литературного современника» — 320 страниц и 16 вклеек-рисунков.

Пушкинский номер «Звезды» в основном составлен из произведений ленинградских писателей, посвященных Пушкину. В журнале печатается большая статья К. Федина «О Пушкине», «Шестая повесть И. П. Белкина» («Талисман»), написанная М. Зощенко, рассказы и новеллы Б. Лавренева «Комендант Пушкин», Ольги Форш «Филаретки», С. Марвича «Прогулка в крепость» и др.

В долгу перед памятью великого поэта

В дни, когда вся страна чтит память своего великого поэта, родоначальника русского литературного языка, когда в воинских частях, на заводах, в колхозах вспоминают мельчайшие детали, относящиеся к жизни и творчеству А. С. Пушкина, — в Доме советского писателя на вечере 11 февраля, посвященном столетию со дня смерти великого национального поэта, не было произнесено ни одного слова о значении Пушкина и его наследия для советской литературы. Поэты читали свои стихи, посвященные Пушкину, артисты исполняли арии и романсы. Все это было на уровне обычных литературно-музыкальных вечеров.

Это очень обидно: столетняя годовщина смерти Пушкина должна была найти в Доме советского писателя более глубокий и разносторонний отклик. Составители программы пушкинского вечера не учли интересов писателей.

А. ГОРИН.

Извещения

Поэт Николай Панов закончил большую поэму о сегодняшнем дне Красной армии, о танкистах.

Читка автором поэмы и обсуждение ее состоится 16 февраля в Доме советского писателя, в 8 часов вечера.

★

15 февраля, в 20 часов Секция драматургов союза советских писателей организует закрытый просмотр фильма «Последняя ночь» (сценарий Е. Габриловича и Ю. Райзмана, режиссер — Райзман). Просмотр состоится в кинозале ССП (ул. Воровского, д. 52). Вход по пригласительным билетам.

От редакции

В номере «Литературной газеты» от 5 февраля с. г. было помещено письмо в редакцию, подписанное Е. Захаровой, учительницей 41 школы. По проверке факты, сообщенные в письме, не подтвердились. Редакция была введена в заблуждение недобросовестными лицами.

Ответственный редактор Л. М. СУБОЦКИЙ.
ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-61 и 4-34-60.
ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страстной бульвар, 11, тел. 468-18 и 551-69.

М. ГРИНБЕРГ

Солнце русской музыки

К 80-летию со дня смерти М. И. Глинки

В глубокой задумчивости, раскинувшись он полулежит на подушках. Взгляд его устремлен вдаль. На столике возле дивана — раскрытая партитура, партитурные листы он держит в руках. Большой лоб, светящиеся умом глаза, плотно сжатые губы, напряженно застывшая с карандашом у рта рука — все в облике этого человека говорит о силе мыслителя, об огромной внутренней творческой воле и устремленности.

Таким нарисовал величайшего русского композитора, М. И. Глинку, И. Репин. Прекрасный портрет! В свое время этот портрет должен был сыграть большую положительную роль — он развеял многие неверные и тенденциозные представления о русском композиторе. Глинку всегда почитали за гения. Но рядом с величайшими именами Моцарта, Бетховена Глинка считался гением, так сказать, провинциальным, «гением местного значения». Глинку рассматривали как явление чудесное. За ним признавали «божественный» дар, но отказывали ему в уме, образовании, культуре. Репинский портрет разрушает легенду о Глинке, он рисует композитора простым и земным человеком, как бы нарочито дает его в бытовой житейской обстановке, но в самой фигуре, в чертах лица Репин подчеркивает интеллектуальную силу, творческую мощь гения Глинки.

Творчество Глинки открывает новую эру в истории русской музыки. Прежде всего заслуга и величие Глинки в том, что он первый осознал и утвердил себя как национального русского композитора. Дворянин по происхождению, он «не погнушался» стать профессиональным музыкантом. Он страстно и напряженно учился, учился всю свою жизнь, и смерть застала его в Берлине, где он брал уроки у Дена. Но учась, жадно воспринимая, вбирая в себя музыкальную культуру Запада, Глинка не стал слепым подражателем чужеземным, по преимуществу итальянским, образцам. Овладев западноевропейской культурой, он подчинил ее своей задаче — создать русскую национальную музыку. Восприняв весь опыт своих предшественников, он придал ему новое качество, новый смысл, утвердил новый стиль и новые традиции русской музыки.

Огромное влияние на Глинку оказал Пушкин. Только под влиянием пушкинского гения мог подняться и расцвести гений Глинки. Только под влиянием величайшего русского поэта мог Глинка обратить такое внимание на русскую народную песню, пронизать свою музыку ее интонациями и мелодиями. «Народ творит, мы только аранжируем» — так определял задачи композитора Глинка. Пушкинское у Глинки — это его тяга к знанию, интерес к подлинной культуре.

Глинка был весьма образованным человеком своего времени, он свободно владел французским и итальянским языками, изучил испанский, Кальдерона, Сервантеса, Лопе-де-Вега он читал в подлинниках. Он увлекался Гомером и Овидием.

В Париже, в Испании, в Италии он постоянно посещал музеи. Его музыкальные интересы были широки и многообразны: Бетховен, Моцарт, Керубини, Бах, Шопен, Гендель, Глюк, — его любимые авторы. Характерна художественная смелость и независимость Глинки — итальяномании высшего общества он противопоставил свое увлечение немецкой и французской классикой. Удивительно, почему так мало на эту сторону глинкинской музыки обращалось внимания целым рядом исследователей творчества Глинки. Всегда указывалось главным образом на итальянские влияния у Глинки. Влияние же Баха, Генделя, Моцарта и особенно Бетховена игнорировалось.

«У меня развилось критическое воззрение на искусство и теперь я, кроме классической музыки, никакой другой без скуки слушать не могу» — пишет он Кукольнику. Не случайна эта любовь Глинки к классике, она свидетельствует в частности о тяге композитора к реализму. Приведенная цитата из письма относится к поздним годам (1854 г.), но и ранее, например, познакомившись в Париже с музыкой Берлиоза, Глинка писал тому же Кукольнику, что Берлиоз, увлекаясь «фантастической стороной положения, неестественен и, следовательно, неверен».

Стремление к реализму характерно для Глинки не только в «Жизни за царя», но и в «Руслане и Людмиле», оно сказывается, между прочим, в самом обращении композитора к народной песне и в методах ее обработки. А интерес к народному творчеству для Глинки был неразрывно связан с созданием национальной русской музыки.

Уже в первый раз возвращаясь из заграницы, Глинка ехал с твердым намерением написать русскую оперу. «Главное состоит в выборе сюжета. Во всяком случае он будет совершенно национальным. И не только сюжет, но и музыка: я хочу, чтобы мои дорогие соотечественники были тут, как у себя дома», — писал Глинка. Жуковский услужливо предложил Глинке сюжет «Ивана Сусанина», который тему **национальную** подменял темой **монархической**, верноподданнической. Глинка написал на этот сюжет оперу, но тут-то и произошла любопытнейшая вещь: в то время как сюжет и либретто «Сусанина» отвечали реакционным требованиям высшей дворянской знати, музыка оперы шла вразрез с господствующими дворянскими вкусами и традициями.

«Иван Сусанин» Глинки утверждал на оперной сцене подлинно русское музыкальное искусство, стоящее на уровне передовой классической музыки Запада, раскрывал живое, настоящее, несусальное народное песенное начало. Надо иметь в виду, что многое в своей опере Глинка писал безотносительно сюжета, помимо либретто. Удивительно ли, что композитора, который так близко знаком и встречался с Пушкиным, который писал замечательные романсы на слова Пушкина, Дельвига, Лермонтова, Мицкевича, Баратынского, Жуковского, не могли удовлетворить «стихи» барона Розена к примеру такого рода:

> Всколыхнулась Русь,
> И враг рассыпается в бегах,

или:

> На лице твоем что-то горькое...
> ... Мы балом блестящим
> В московской пустыне (!?)
> Отчизну и радость
> Себе создаем...(?)

Опера «Руслан и Людмила» развивает те же принципы, которые заложены были Глинкой в «Иване Сусанине» — создание русской национальной реалистической оперы.

Являясь вершиной творчества Глинки, «Руслан и Людмила» оказывает огромное влияние на все последующее развитие русской музыки.

Народность музыки Глинки не только в том, что Глинка — создатель русского музыкального языка — обратился в своем творчестве к русской народной песне. Но и в том, что в лучших страницах «Ивана Сусанина», в «Руслане», в гениальной «Камаринской» нашли свое выражение горячая любовь к родине, готовность защищать ее от врагов, лучшие черты души народа, его любовь к детям («Сусанин»), его благородство, честность, мужественность, сила, преданность родине («Руслан»).

Глинка любил свой народ, любил свою родину, но он ненавидел так называемое высшее общество, которое никогда не понимало и не признавало его музыки.

Глинка ненавидел царскую Россию, ненавидел Петербург, олицетворявший российское самодержавие. Петербург, по его мнению, — «помойная яма», «омут», «ненавистный город», «в Петербурге я страшусь сколько климата, столько же и условий света», — пишет он Кржижевичу.

Царская Россия мучила композитора бесконечным бракоразводным процессом, она издевалась над его музыкой, посылая провинившихся гусар в наказание, вместо гауптвахты, на спектакли «Руслана». Она извращала его произведения. Всю жизнь великий композитор был материально необеспечен и должен был, унижаясь, выпрашивать деньги у матери, у шурина Флери и т. д.

Глинка оказал огромнейшее влияние на судьбы русской музыки. Мы не затрагиваем этот вопрос в данной статье, ибо тема о влиянии Глинки на русскую музыкальную культуру — тема отдельная, важная и актуальная, в особенности в свете нашей борьбы за советскую классическую оперу. **Для царской же России музыка Глинки была всегда предметом бесчестной политической спекуляции. Так было при жизни композитора, так** было и после смерти затравленного царской Россией гения. Характерен случай, происшедший однажды с Чайковским.

В первые дни после выстрела Каракозова **распустили слух, что Каракозов** — поляк. Этого было достаточно, чтобы спектакли «Ивана Сусанина» превратились в шовинистические демонстрации.

Дело дошло до того, что второй (польский) акт из боязни эксцессов стали вовсе пропускать, в четвертом же акте (сцена в лесу) Сусанин однажды настолько «вошел в роль», что начал совершенно всерьез нещадно тузить хористов — «поляков», что вызвало дикий «энтузиазм» публики. Подобные потасовки и свалки на сцене происходили затем уже в каждом спектакле «Ивана Сусанина». На один из таких спектаклей на беду попал ничего этого не знавший Чайковский. Он пришел с партитурой глинковской оперы, чтобы следить по нотам за музыкой. И то, что молодой музыкант мог на спектакле интересоваться **музыкой**, а не «политикой», настолько раз'ярило публику, что бедный Чайковский еле ноги унес из театра!

Глинка, увы, имел все основания страшиться одной мысли — вернуться в царскую Россию. Затравленный, одинокий, он умер на чужбине. И только сейчас Глинка обрел свою истинную родину — он возвращается ныне в свое отечество как великий, горячо любимый национальный гений, к творчеству которого жадно прильнул освобожденный и счастливый советский народ.

Сейчас, перечитывая письма Глинки, испытываешь особое чувство — целый ряд из них посвящен Испании, где Глинка жил довольно продолжительное время. Эти письма Глинки звучат сейчас для нас по-особому: Глинка с необычайной теплотой и любовью всегда отзывался об испанском народе, среди которого он имел много друзей. Радостно сознавать, что солнце русской музыки, наша гордость, наша слава — Михаил Иванович Глинка не только в своих письмах, но и в своем творчестве — а его испанские увертюры одни из лучших произведений, посвященных Испании — запечатлел нашу любовь к этой героической и так близкой нам сейчас стране.

Уполн. Главлита В—26109.
Типография газеты «За индустриализацию», Москва, Цветной бульвар, 30.